Орлова Ульяна: uly-s@yandex.ru;

Дорога домой.

Повесть.

«Счастье всего мира не стоит слёзы одного ребёнка…»

Ф. М. Достоевский.

Глава 1.

Побег.

Антошка возвращался с прогулки довольный. Как не радоваться: солнце яркое, небо чистое, синее-синее, в лужах отражается всё лучше, чем в зеркале! И тепло, несмотря на начало мая. «Наверное, - думал он, - пойдем запускать с Шуркой новую модель аэроплана. Ветер юго-западный, ровный, может он и полетит. Тогда это будет открытие…». С такими мыслями Антон вошел в тёмное здание интерната.

***

- Тошка! К директору на собеседование!

Тошка молча лежал на кровати лицом вниз и не откликался.

- Тошка! Ну ты чего? Тошка!

Шурка подошёл к нему, положил руку на плечо. Тошка всхлипнул.

- Тошка, не вздумай!

Тошка молча поднялся, отряхнулся, будто постель была пыльной и сказал:

- Пойдём.

Они прошли по длинному коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды, и вошли в директорскую.

Тошка почувствовал себя безоружным перед противником. Здесь, оказывается, было целое собрание.

- Антон, ты явился?! Почему так долго? – это воспитатель младшей группы.

- Он плакал! Ы-ы-ы!

- Что ты, он искал свои рублики.

- Да нет, ребята, он заряжал новый пистолет против директора.

Послышались смешки. Это ребята, среди них был и Язик Кривецкий. Личность с отвратительным характером, достающая всех и всё вокруг. Именно из-за него…

- Тихо! – это директор.

- Антон, объясни свое ужасное поведение, - это замдиректора.

Антон молчал.

- Антон, не заставляй нас ждать. Как ты посмел ударить товарища?! Это свинство с твоей стороны! И вообще…

- Кира Павловна! Что вы сразу на Антона?! Вы же ещё ничего не знаете! – попробовал вступиться Шурка. Он стоял рядом с Антоном.

- Карандашин! Как ты смеешь перебивать взрослых? Ветерков! Антон! Что ты молчишь?!

Антон, наконец, проговорил:

- А что говорить? Конечно, я кругом виноват! Знаете, так можно много чего найти, чтобы придраться… Пусть лучше он говорит! – Антон указал на Кривецкого.

- А я ничего! Я только посмотрел его фотки. Подумаешь, жалкие картинки! Жалко, да? Маменькин сынок!

- Жалкие?! Тебя просили? Лезть в мою жизнь, брать мои деньги! Рыться в моих вещах!..

- Тихо! Антон, расскажи по порядку!

- Антону жалко копеечный фотоаппарат. Конечно, с порванными денежками и не то жалко будет. Он боялся, что я увижу его секреты. Да там только носочки и платочки, - мамочка прислала!

Кто-то засмеялся. Антон, не отводя взгляда, смотрел на Язика. Есть ли в нём капелька совести? Чего-то человеческого?! В рыжих глазах его играла какая-то злобная насмешка. Как и всегда, впрочем… Да что же это такое?! Неужели всё то, что происходит – правда?! Антон вскинул ресницы - брызги посыпались.

- А тебе, подлец, понравится, если я с тобой так?!

- Антон! Да как ты смеешь?! Это наглость с твоей стороны так выражаться при взрослых! Ты ничего нам не объяснил, выходит, сам виноват. Будешь соответствующе наказан! Или рассказывай, или проси прощения у Кривецкого!

- Антошенька! Не бойся, ремнем тебя не накажут! Подумаешь, в сортире полы помоешь пару раз… А «извини» не надо говорить, и так разнюнился. Что, Антошенька, правда глаза колет?

Антон еле сдерживал себя. Он сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони:

- Ну ты и г-гад!

- Хи – хи – хи! Антон удостоил меня ответа! Спаси-ибо, - Кривецкий размахнулся и плюнул, - А-ах!

Послышался уже открытый смех ребят – дружков Кривецкого. Тогда Антон, схватив со стола свои деньги, толкнул дверь и рванул из этого кабинета. Добежав до комнаты, прикрыл за собой дверь и на секунду прислушался: в конце коридора доносились крики и какая-то возня. Дальше он всё делал быстро: сунул за пояс свой игрушечный пистолет. Взял фотоаппарат («Ага, копеечный» - пронеслось в голове… Папа не стал покупать себе телефон и вместо него купил Тошке цифровик… Телефон был старый-старый, какой-то «допотопной» модели и промок в экспедиции…) Накинул старенькую синюю курточку, фуражку. Написал быстрыми взмахами на столе:

« Шурка! Прощай!

То…»

И выбежал из интерната.

Глава 2.

Куда же теперь?

Если месяц разделить на недели, то будет около четырёх с половиной. А это – тридцать дней. Или тридцать один, но пусть будет тридцать. На день меньше.

А в тридцати днях … Семьсот двадцать часов. А минут…

Они тянутся совсем медленно, они застывают на месте, словно машины в пробке. Они упрямо не хотят продвигаться.

Медленнее всего они тянутся в школе. Чуть быстрее – когда ты читаешь книжку или болтаешь с Шуркой. Но библиотека не всегда бывает открыта, а у Шурки уроки заканчиваются позже – у них другое расписание…

Совсем быстро исчезают минуты во сне. Особенно, если там - дом. Но вот после таких снов, когда ты просыпаешься, смотришь в окно и вдруг понимаешь, что таких занавесок у тебя дома нет, и тополя за окном нет, а потом видишь ещё несколько таких же полусонных кроватей, и вдруг понимаешь, что ты не дома, то ты… Хочешь уйти обратно в свой сон, но уже не получается, потому что – подъём. И ты встаёшь, но всё ещё не можешь поверить, что это не сон, и дом твой не здесь.

Или сон?

Такой тоски во сне не бывает. И такого ощущения, что ты потерял себя, что словно тебя выхватили и унесли в другое измерение без твоего ведома, а ты ищешь и понимаешь, что уже не вернуться… Встаёшь, ищешь свои тапки среди кучи похожих - не находишь…

А потом слышишь смех, нет – дикий хохот и просыпаешься окончательно.

Такие сны Антон не любил. Любил и не любил одновременно - разве возможно такое? Скорее да, чем нет, так же возможно, как и мечтать о родителях и не быть с ними…

Семьсот двадцать часов. Но это – в месяц. А сейчас они обещали приехать через полтора… Это уже тысяча, это – бесконечность… До тысячи у него никогда не получалось сосчитать – он засыпал. Или не хватало терпения, или его отвлекали, он сбивался, а заново начинать уже не хотелось…

Летом они двигались быстрее, но летом не было школы. Лето – оно доброе, оно дружило с Тошкой, оно не задерживало минутки, а ещё, если очень захотеть - оно делало хорошую погоду. И Шурку не надо ждать, и можно сидеть с ним под деревом, смотреть, как он рисует. А когда он наконец положит свой тоненький карандаш на альбом и поднимет зелёные глаза – посмотрит так, что захочется сказать:

- Шурка, знаешь вот…

Лето часы отмеряло только завтраками, обедом и ужином. И наступающей внезапно ночью. Но ночью Тошке не всегда снился дом - чаще он просто проваливался в темноту, и потом не мог вспомнить, что ему снилось. Ну раз так – значит не нужно… Да, ещё летом были глупые зарядки по утрам и какие-то игры, где собирали зачем-то всех детей, и надо было бегать и заниматься всякой ерундой…

Но до лета ещё нужно было дожить. Пока оно показалось лишь блестящими ручейками и растаявшим снегом, но вредные школьные часы медлили и отодвигали его. Отодвигали его, а вместе с ним – и родителей… Хорошо, что придумали сотовые телефоны.

Плохо, что придумали сотовые телефоны.

Возьмёшь трубку, и если повезёт – услышишь знакомый голос, будто вот она – мама, совсем рядом, если закрыть глаза… И слушаешь, слушаешь, запоминая каждый оттенок, пытаешься запомнить каждое слово, но почему-то запоминаются только две фразы: «Тошка ты мой, Тошка…» и «осталось чуть-чуть, мы скоро приедем…». В последний раз разговор закончился на фразе: «летом у нас не будет отпуска, Антон…» - и кончились деньги. А потом телефон украли.

Дело замяли, Кривецкий ускользал от любых обвинений, как селёдка, хотя Тошка знал, что последним из комнаты выходил он. Так же как знал и то, что перед этим поставил мобильник на подзарядку…

Только и осталось написать родителям письмо, но пока оно дойдёт... Если дойдёт ещё вообще.

Они приедут и уедут, а он останется.

Кажется, что он здесь вечно, так же вечно, как интернат. Как кровать с одеялом, в которую всегда забираешься с опаской, потому что никогда не знаешь, что там. Нет, когда он очень устаёт, он плюхается туда просто, но это опрометчиво: залазаешь под одеяло, а там паук! Живой, огромный чёрный паук шевелит своими волосатыми лапами…

- А-а-а!

Он же ядовитый, он противный, у него восемь пар глаз, он… Неживой он!

Где они нашли это?! Господи, зачем?!

После этого ложиться уже не хочется, спать уже не хочется… Пожалуй, единственное, что хочется – это выбежать из комнаты, чтобы не слышать тот дикий хохот! Тупой смех – разве так смеются?

Разве смеются, когда ты бежишь в школу, потому что – ну не успел ты, пробегаешь под лестницей и чувствуешь как на твою голову что-то шлёпается, липкое и мокрое. И понимаешь, что в школу ты теперь опоздал… Разве смеются, когда ты заглядываешь в рюкзак и не находишь там учебника, хотя утром клал его туда, или когда в раздевалке ищешь свою шапку, а находишь её засунутую куда-то под полку с ботинками?

И ты знаешь, что придёшь из школы, и там будет то же. Нет тыла. Далеко дом.

Это было всегда. По крайней мере, когда он появился здесь, это уже было. Они были всегда. Они – это Кривецкий и его приятели. Они затюкивают самых слабых, воруют у них деньги и издеваются над новичками. Только они умеют так смеяться и заводить других. Только они могут в один миг перевернуть против тебя весь дружелюбный класс.

И плевать им на то, что ты отбиваешься от них, как можешь. Как муравей среди жуков – могильщиков…

И ты знаешь, что это будет, что придёт утро, что будет день, и это будет. И никуда не денешься. Также как от тоски. А она, может быть, уснёт ненадолго, но проснётся каким-нибудь грозным окриком за опоздание к обеду. И будет становиться сильнее вместе с темнотой, когда ты будешь убирать один комнату с игрушками и грустно рассуждать – зачем их столько ярких, пластмассовых, холодных, неживых? Дома не было столько, дома не нужно столько – там есть книжки и мама. И с ней можно пить чай, просто сидеть на кухне и смотреть, как она готовит ужин, и ждать отца… А когда он вернётся с работы - даже книжек не нужно, папа знает столько историй, что может рассказывать их часами! А ты сидишь и слушаешь и хочешь, чтобы время не кончалось, чтобы оно не двигалось, чтобы замедлились часы…

Убираться – это нетрудно, это несильное наказание за первую драку. А дальше – хуже… Но как не драться-то?

Сегодня, когда он вернулся из школы, то увидел разбросанные на полу вещи, и открытые ящики. Что-то нехорошо зашевелилось сердце в тревожной догадке. Он заглянул в свои открытые шкафы и увидел, что его коробочка с деньгами и фотоаппаратом раскрыта, и ни фотоаппарата, ни денег там нет. Фотоаппарат он нашёл под кроватью, а деньги.… В дверь

заглянул испуганный Шурка и скороговоркой, виновато проговорил: « Тошка, это они… Я не пускал, но меня вытолкнули за дверь… Тошка, прости…»…

Антон замедлил шаг и перевёл дух. Бежать он дальше не мог: грудь сдавило, в глазах были искры, а ещё был колючий комок, который мешал двигаться: сгусток отчаяния, тоски и обиды.

Он вернётся и это останется. И так будет всегда.

Нет!

Нет… Не будет.

Он не вернётся… Это невозможно.

Это всё равно, что самому залезть в мешок. Это всё равно, что прыгнуть через пропасть. Но ради чего?! Нет.

А куда?

Он глубоко задумался и не замечал, куда идет. «Родители вернуться домой в июне… А потом поедут в интернат. А что если…»

«Но ведь это же далеко… Далеко, а что делать? Туда я больше ни ногой…»

«Так, а сколько же у меня денег?» - Антон вытащил из кармана мятые купюры. Прислонился к железному ограждению вдоль тротуара, - «Пятьдесят, пятьдесят…Сто… двести пятьдесят…Неплохо… Кривецкий утащил всего сотню, а может она и потерялась где-то…»

Месяц назад, на его день рождения приезжали родители. Это было счастье! Хоть длилось оно и недолго - всего-то один день. Но какой! Да этот день стоил кучи тех дней, которые он провёл без них! Он, мама и отец целый день гуляли вместе по городу – просто бродили по улочками, посидели на лавочке в парке, потом пошли на речку. Лёд раскололся на кучу огромных глыб и эти глыбы куда-то медленно двигались. И такие же серые облака были их отражением в небе. А он держал за руку отца и всё никак не мог поверить, что это правда – что вот он, папа! Он каждый раз не мог в это поверить, и останавливал, молил часы не торопиться, а они, как назло, ускоряли свой темп.

После речки решили перекусить в кафе – попить кофе с шоколадными пончиками и поесть мороженого – как же без него? Ещё и Шурку с собой взяли, чтобы веселее было.

Потом фотографировались, а вечером, когда стали прощаться, мама дала Тошке денег, сказав, что это на «вкусненькое». А он не спешил их тратить - сложил их в свою коробочку, где он хранил самое дорогое. Вкусненького не хотелось, а деньги - мало ли, пригодятся… Выходит, пригодились?

Неизвестное будущее - лучше прошлого. Неведомая дорога звала Антона – она обещала успокоение. Она была переменами. И она вела к дому.

Он встряхнулся и посмотрел на яркое солнце, на воробьёв, которые копошились в песке маленькими крыльями: улыбаться не хотелось, но стало спокойнее. Слёзы вскипали в его глазах, когда он вспоминал о разговоре в кабинете директора. Тоска окружала болотом. А дорога выглядывала спасительным мостиком.

«Ничего…Больше такого не будет!»

Стало смеркаться. И вдруг Антон заметил, что район какой-то незнакомый. А он – один. И он уже устал, и очень хотел спать. Но где?

Он прошёл через двор, обогнул дома, и оказался на пустыре. Позади оставался микрорайон, а впереди… Впереди были Гаражи. А ещё дальше – равнина.

«Ну и ладно, переночую в Гаражах» - решил он.

«Гаражи» - так назывался район, состоявший из отчасти заброшенных, отчасти используемых гаражей. Используемые гаражи были расположены ближе к жилому микрорайону. Остальные, заброшенные, находились дальше. Это было одно из самых опасных мест в городе. Изредка там, недалеко от микрорайона, играли ребята. А вглубь заброшенных гаражей опасались ходить даже взрослые. Редко, с краю, милиция просматривала гаражи, но дальше двух-трех рядов не заглядывала. Ходили слухи, что там живут бродяги, наркоманы.

Антошка, задумавшись, шёл вглубь гаражей. Пока тишина вокруг не заставила его оглядеться. Гаражей было много и, судя по тишине, он ушёл далеко от микрорайона.

И он был здесь один. Совсем!

Тошка бросился искать дорогу. Но в темноте, среди множества похожих гаражей, разве это возможно? Он долго ходил, но в конце концов ему показалось, что он просто ходит по кругу. В изнеможении он присел на какой-то ящик.

«И вот как теперь отсюда выбраться?.. Дождусь утра…» - даже думать сил уже не было: Тошка откинулся на прохладную железную стену и закрыл глаза. И даже почти уснул, как вдруг какой-то шорох разбудил его. Он прислушался, и услышал разговор двух людей.

Первый:

- Смотри тут кто. Увидит же.

Второй ответил как-то неопредёленно:

- Не расскажет.

Они стали шептаться еще тише, и Тошка не мог разобрать их слов, но от этого шёпота становилось не по себе. Он хотел вскочить, как вдруг его крепко схватили за руку. Тошка дёрнулся:

- Пусти!

- Тихо ты, пойдем!

- Куда?!

- Куда надо!

- Да вам от меня нужно?! Я вас не трогал!

- Чтобы молчал…

- А кому мне говорить?!

Парни снова зашептались. « Нахальный…» - «Нельзя его оставлять тут, увидит…» Он дёрнулся, пытаясь высвободиться, как что-то тяжёлое ударило его по голове. В глазах потемнело…

Когда он пришёл в себя, его уже куда-то тащили. В нос ударил резкий и отвратительный запах перегара. Тошку замутило.

- А ну пусти!!! – он дёрнулся так, что в плече что-то хрустнуло, и резкая обжигающая боль пронзила руку. Но вырвался, видимо парень от неожиданности выпустил его. Он отскочил, и вдруг вспомнил про пистолет. Про игрушечный. Достал его.

- Не подходи, – тихо сказал он. Парень замер на месте. В темноте игрушку не отличить от настоящего оружия.

- Эй, вы чего там? - крикнул второй, но оглянувшись, остановился. Покачнулся.

Тошка выстрелил в землю. Пистолет игрушечный, но грохот у него был очень похож на настоящий.

- Следующий будет в тебя! Только подойди!

Парень шевельнулся, и следующий выстрел прогремел по гаражу. Гараж загудел.

- Ты чего, пацан, мы же по-хорошему! Давай договоримся, - начал было второй.

Тошка краем глаза заметил слева, между двумя гаражами темнеющую щель. Лазейку. Но был ли там проход? С другой стороны, справа от парней стояла куча ящиков и проход, откуда они пришли. Западня.

- К ящикам! Быстро! – он навёл пистолет на первого парня. – Стоять! - крикнул он второму и медленно, медленно стал отступать назад, к проходу. Поравнявшись с тёмной щелью, он снова выстрелил в гараж и нырнул в неё. Щель оказалась проходом.

Не думая куда, он бежал между гаражами, крепко сжимая в руке пистолет – игрушку. « Как, как все-таки выбраться отсюда?!» Ноги уже еле двигались, в груди словно поселился жгучий шар… «Еще немного, ну…».

И вдруг гаражи кончились. Впереди был пустырь, ведущий к микрорайону. Не видя ничего вокруг, кроме светившихся огней домов, Тошка миновал пустырь, забежал в первый попавшийся подъезд, юркнул в уголок под лестницу и крепко заснул.

Глава 3.

Ты кто?

Всю ночь снилось что-то ужасное. Какая-то погоня, интернат, драка с Кривецким. Пинки не прекращались и были какими-то уж очень реалистичными. Он открыл глаза, и увидел бомжа. «А ну иди отсюда!», - сквозь зубы прошипел тот. Тошка вскочил, ударился лбом обо что-то и выскочил на улицу.

Бока болели. Ныло всё тело, особенно плечо. Что такое? С минуту он стоял возле лужи, вспоминая вчерашние события и раздумывая, как её обойти… Спохватился, залез в карман: деньги на месте. Поправил фуражку, отряхнулся и глянул в лужу. Да-а… Из лужи

смотрел грязный, растрепанный мальчишка, с синими кругами под глазами. Он натянул посильнее кепку.

За пустырем, на горизонте светлели облака. Близился рассвет. Улицы ещё не наполнились людьми, изредка шуршали по сухому асфальту колёса автомобилей. А так – тихо и пусто.

Антон обошёл дом и вышел к пустырю. Слева, вдалеке, виднелись гаражи. А ему нужно идти туда, откуда несмело и ярко выглядывает солнце - на восток. Туда, где на конце пустыря виднеется недостроенный дом, пугая сонную равнину своими чёрными глазищами - окнами. Антон вздохнул и пошёл.

В желудке образовалась чёрная дыра. В суете побега он совсем забыл про еду. Теперь пришлось вспомнить. И больше всего хотелось пить. «Но ведь магазины ещё закрыты… Да и как не попасться? Хотя, наверное, ещё не начали искать… А искать они будут утром – они медленные… И боятся»

Возле стройки ему стало не по себе: одинокий дом нависал над ним, откидывая мрачную тень на песок. «Да ладно, ерунда какая… Никого здесь нет, кроме меня… - успокоил он себя и начал потихоньку напевать…

Эта весёлая песенка стояла раньше на будильнике телефона… Хорошо было под неё просыпаться. Ещё с мамой…

- La lala lala lala lai lai lala [1]

La lala lala lala lai lai la la

La lala lala lala lai lai lala…

Внезапно ему послышался чей-то слабый стон. Антон вздрогнул.

- La lalala la la lalala la, - уже тихо закончил он, перестал свистеть и прислушался. Чей-то жалобный, негромкий то ли стон, то ли плач доносился из дома. Будто кто-то маленький плакал. «Ребенок? Откуда в таком месте ребенок? Может, кошка забралась туда и не может вылезти? Не, ну не могло же мне показаться…»

Антон обошёл здание, продолжая негромко напевать:

- Dulunga lu menadzi hafanana

Hanana kukanela shalalala…

Плач стал слышен ближе. Значит, не показалось, но так что же это?!

- Whenna naumija hafanana

  Hanana kukanela shalalala…

Он оказался возле дома.

- Hey! Whake you dayuda

  ulungu … hafanana…

Антон подтянулся и перелез через бетонную балку в проёме окна. И оказался в тёмной сырой комнате.

Здесь никого не было.

- Whake you di… - начал было он и осёкся: каким-то уж очень громким эхом отозвалось хмурое здание на его голосок.

Стон доносился откуда-то из-за стен. На секунду Антон вздрогнул. Он не верил в привидения, только немного боялся темноты, но здесь ему стало не по себе. Он оглянулся назад и… торопливо вышел в коридор. Если что - убежать он всегда успеет.

- La lala lala lala lai lai lala, - прошептал он.

Коридор – длинный проход вдоль здания. В некоторых комнатах виднелись разбитые стекла. На полу валялись крошки бетона, сухие листья, виднелись окурки и какой-то мусор. Плач стал ближе, и кажется, доносился из «комнаты» в конце коридора. Но когда Антон оказался возле неё, то кругом стояла тишина. Было только слышно, как он осторожно переступил кроссовками. Зашелестела штукатурка в проёме стены, и вновь стало тихо. Ему стало страшно, и он побыстрее вошёл в комнату.

Она была пуста.

Только на полу валялись сломанные ящики и какие-то тряпки. В углу комнаты стояли ящики с бутылками. И ни души! Антон обернулся, и, с замирающим сердцем, внимательно осмотрел помещение. Слабый свет проникал через грязные разбитые стекла, но его было достаточно, чтобы увидеть ещё один маленький закуток в углу комнаты возле двери, отгороженный куском брезента. Там, в закутке, кто-то очень тихо всхлипнул. Антон шагнул и отодвинул ширму…

На бетонном полу, прислонившись к стене, сидел маленький мальчик, лет четырёх или пяти. Светлые встрёпанные волосы свешивались ему на лоб и прикрывали закрытые глаза. Майка какого-то непонятного цвета была разодрана, через неё виднелись засохшие корочки царапин, штанишки едва прикрывали щиколотки. Двумя худенькими руками малыш держался за босую ногу. Антон подошёл, наклонился к нему:

- Мальчик…

Ребёнок приоткрыл глаза и сразу их закрыл.

- Помоги… - прошептал он еле слышно и замолчал.

Антон подхватил его на руки. Легонького, невесомого. Мальчик не двигался, только отпустил ногу и доверчиво прижался к нему. Антон встал, быстро, почти бегом выбрался из комнаты. Как он бежал по коридору, он не помнил, он лишь чувствовал на руках одинокого маленького человечка, которому, наверное, очень плохо…

Вскоре он выбрался из дома и на секунду замедлил шаг: солнечный свет ослепил глаза. В грудь ворвался чистый воздух - после полумрака и сырости это было неожиданно. Но лучше.

Антон остановился, отдышался. Посмотрел на мальчика: тот неподвижно лежал у него на руках. В дневном свете он казался еще бледнее. Антон легонько покачал его. Малыш открыл глаза. И не удивился, увидев Антона. Только шёпотом попросил пить…

«Да где же я тебе возьму воды?!» - в отчаянии подумал Антон. Что делать? Он прошептал ему:

- Ты потерпи.

Погладил его по светлым волосам… И, наверное, от этой нежности, мальчик пришёл в себя. Даже приподнялся на руках у Антона. Спросил испуганно:

- Ты кто?

- Да ты не бойся! Я – Антон.

- Я не боюсь….

Он опустил его на песок. Мальчик тут же сел на корточки.

Антон наклонился к нему:

- А ты кто?

Мальчик прошептал одними губами, но Антон понял:

- Славка… - И снова откинулся ему на руки и закрыл глаза.

«Блин, что же делать?! Тащить его в больницу? Но куда?.. Хоть передохнуть где-нибудь…» Антон огляделся вокруг.

Недалеко от здания, торчали бетонные сваи. В некоторых местах, там, где они были вбиты в землю достаточно глубоко, на них лежали другие. Несколько таких балок и пара штук поперёк них образовывали закуточки с «крышей». Возле одного такого и остановился Антон со Славкой на руках. «Крыша» находилась на уровне его плеч. По ширине они были метра два. По краям их тоже лежали бетонные балки, остатки старых досок. Все эти конструкции были обнесены покосившимся деревянным забором. Не совсем было понятно, что это, да и неважно это было сейчас двум усталым мальчишкам. Важно было, что они защищали от ветра, дождя и посторонних глаз. Бомжам нечего было делать в таких маленьких закутках. Собакам нечего было здесь есть. Лишь ветер гулял по заброшенному комплексу, задувая в щели балок мелкие песчинки.

Тошка присел, опустил малыша на песок возле закутка. Снял с головы кепку, бросил ему под голову. Встал, поднял с песка несколько старых досок, положил их внутрь. «Хорошо, что не было дождя - доски сухие…». Поднял Славку с земли, занес в закуток, присел на доски. Малыш зашевелился и открыл глаза. Осмотрелся вокруг, спросил удивленно:

- Где мы?

- Не бойся, всё в порядке. Здесь безопасно…

Малыш слабенько улыбнулся:

- Да я и не боюсь… С тобой. – Хорошая у него была улыбка. Добрая и открытая.

- Слушай, давай я тебе постелю свою куртку, а то у меня ноги затекли…

- Ладно, - Славик пересел на доски. - А у меня пузо болит. От голода…

Антон не выдержал, спросил:

- Да что же с тобой? Что ты там делал один?!

Славка не удивился.

- Я расскажу…. У тебя нет чего-нибудь пожевать?

Антон покачал головой.

- Я сбегаю в магазин. Сейчас. Ты побудешь здесь?

Славка кивнул. А глаза молили, чтобы он не уходил. Грустные такие, большие серые глаза. Нет, они не просто грустные, они измученные какие-то. Антон присел перед ним.

- Славик, я приду. Скоро. Только ты, пожалуйста, потерпи, ладно? Не уходи никуда…

- Да я и не могу…

Антон выбрался из закутка. Осмотрелся внимательно, запоминая место. И побежал туда, где от солнца светились окна многоэтажек…

В магазине он отдышался. Взял буханку хлеба, шоколадку и большую бутылку воды. Продавщица оживлённо говорила по телефону и, кажется, даже не обратила внимания на его встрёпанный вид. Машинально, не отрываясь от разговора, дала сдачу, положила продукты в пакет, протянула его Тошке… Так же быстро бежал он обратно. Память его не подвела: вот стройка, балки… Сердце отчаянно бухало, вырываясь из груди. А в такт ему вертелось в голове: «Славка… Славка… Славка, как он там?...»

Славка сидел, также прислонившись спиной к бетонной балке. В той же позе, в которой его оставил Антон. Услышав шаги, он открыл глаза. Слабо улыбнулся:

- Ты пришёл!

- А как же!

Антон достал хлеб, отломил кусок. Достал шоколадку, отломил полосочку Славке. Себе взял только хлеба. Открыл воду. Славка с минуту жадно пил. Потом принялся за шоколад. А уже потом – за хлеб. Вцепился в кусок и быстро умял его. Снова попросил воды…

Когда человек долго не ест – ему нельзя сразу много. Антон спросил Славку:

- Ну как, лучше тебе?

- Ага… - ответил он, а сам продолжал смотреть то на хлеб, то на Антона. Вдруг прикрыл глаза и прислонился к бетонной стене.

- Славка?!

- Ничего, я сейчас…

«Э-э-э, нет! Так дело не пойдет…» - растерянно подумал Антон. Сел рядом, взял малыша за ладошку. Она была маленькой и почему-то холодной.

- Славка… - снова позвал он.

- А? – еле слышно отозвался Славка, потом чуть твёрже, - что?

- Славка, тебе очень плохо?

Если Славка скажет «да» или снова потеряет сознание, тогда придется искать врача…Ну да сейчас не до себя! Главное – Славка!

Он был бледный, невысокий. Худенький, через белую кожу просвечивали тоненькие синие сосуды. Сквозь отросшую чёлку светлых волос светились доверчивые и не по-детски серьёзные глаза. Доверчивые, но не беспомощные. Этими глазами он посмотрел на Антона.

- Ничего! У меня иногда бывает такое. Давай лучше я расскажу…

- Если можешь…

---

[1] - песня Африка Симона (Afric Simone) “Hafanana”

Глава 4.

Один и один.

…Прошлым летом малыш Славик Солнышкин с мамой, отцом и старшей сестрой поехали на море. Славик очень мечтал увидеть море, старшая сестра много о нём рассказывала и показывала картинок… Ехали они на поезде, что для Славки было впервые. Всё вокруг было новое, непривычное и интересное. И верхние полки, куда можно было забираться, лежать там и смотреть в окошко, и длинные блестящие рельсы, и ночные огни на полустанках, и кипяток в большом «самоваре», и куча людей на

станциях… Большие остановки интересовали его больше всего: Славке очень нравилось наблюдать за тем, как рабочие стучат по колесам и осматривают поезд. Так нравилось, что он и сам не заметил, как пошел за одним из рабочих. А когда заметил, то понял, что рядом нет ни мамы, ни сестры, ни папы…. Только огромное количество людей, которые не обращали на него внимания. Славик отправился искать родителей, ему показалось, что они стояли у синего киоска рядом с поездом… Но там их не было. Оглядевшись, Славка увидел вдалеке женщину, похожую на маму, побежал за ней - но это была не мама.

И тут он испугался. Потому что людей много, а родителей нет. И его никто не видит. И он один! Он ещё раз в отчаянии обернулся, как вдруг, кто-то осторожно взял его за руку. Славка поднял глаза и увидел двух взрослых парней. «Мальчик, пойдем с нами. Мы тебе такое покажем!» - «Вы не видели мою маму?» - «Видели, конечно, пойдём!»

Славка пошёл с ними. Он был расстроен, устал и верил, что эти мужчины помогут ему найти родителей. И уже плохо помнил, как оказался в машине. Там его укачало, и он ненадолго задремал…

Проснулся он в тёмной комнате. Через окна с трещинами увидел, что уже вечер. Горела тусклая лампочка. Он лежал на каких-то досках, а парни о чём-то шептались. Славке стало страшно. Мамы тут не было, а шёпот показался ему страшным. Потому было слышно: «Сколько нам дадут за него?.. Ты звонил?.. Только давай сразу, пока он не очухался… Пойдём выйдем…» Славка притворился, что он спит и лежал тихонько, потом услышал шаги, скрип двери. И наступила тишина. Тогда он открыл глаза – в комнате никого не было. Чувствуя что-то страшное, он встал. Подошёл к окошку. Посмотрел. Окна находились рядом с землей, на улице никого не было видно. Славка подвинул несколько досок, вскарабкался на подоконник, открыл форточку и вылез через нее. Не удержавшись, больно шлепнулся на землю. Вскочил и, не оглядываясь, быстро пошёл подальше от этого места.

«Мама!» - Славка молча плакал и продолжал идти. Он не знал - куда… Он хотел встретить хоть кого-то, кто поможет ему найти маму. Он не понимал, где он находится: поездов совсем не слышно, дома закончились, рядом пустырь. Было уже совсем темно, он очень хотел кушать, внезапно закружилась голова...

А потом он оказался в какой-то холодной бетонной комнате. Здесь было трое мужчин, грязных и оборванных. Они долго его расспрашивали, Славка пытался им рассказать, кто он, плакал. Просил помочь им найти маму. Они лишь развели руками... Дали поесть ему

хлеба, отыскали пачку сухой лапши и воду. В угол набросали тряпок, соорудив для него постель. Сказали: «Живи здесь пока». И он остался…

Зимой было очень холодно, одежды у Славки не было, и он редко выходил на улицу. Эти люди кормили его, дали ему куртку, правда очень большого размера и он укрывался ей, как одеялом. Или одевал её на себя, подворачивал рукава и выходил на улицу. Но гулять так долго не мог – в ботинках замерзали ноги. Только и бродил по пустырю, молча и грустно поглядывая на светящиеся вдалеке окна жилых домов. «Там сейчас кушают, - думал он. - Чей-то папа пришёл в работы, и мама кормит его обедом»… «А вон там, наверное, уже ложатся спать и мама читает книжку своему сыну…».

Холодный зимний ветер врывался в воротник, замораживал горькие слезинки. Осенью было лучше – Славка гулял во дворах этих домов и расспрашивал ребят, где находится вокзал. Большим мужчинам он больше не верил. Но дети не могли ему рассказать, где поезда. А сам он боялся идти искать, боялся снова повстречать на тех парней… В сером здании было скучно, вечером становилось совсем темно. Тогда он закрывал глаза и придумывал, что сейчас делает мама. Он представлял всё до мелочей, иногда так отчетливо, что даже вздрагивал от маминого голоса… Строил домики из обломков досок. Рисовал ржавыми гвоздями на бетонных стенах поезда и машины, самолёты и корабли…

Так и жил Славка. Прошла зима, снега с каждым днем становилось всё меньше и меньше… Он стал чаще гулять, бродил по дворам, отводя глаза от настороженных взглядов прохожих. Ребята не играли с ним. Почему – он не знал. Кушать случалось нечасто - те люди, которые подкармливали его, всё реже появлялись в заброшенном доме. Несколько раз они брали его с собой, он помогал им таскать ящики, искал бутылки. Узнал, где находится вокзал, но что толку? Он забыл, как называется его город… Хотя адрес свой знал: улица Ленина, восьмой дом, квартира двенадцать.

Однажды, несколько дней он был один. В доме никого не было. Еды не было тоже, последний раз на улице какая-то заботливая бабушка купила ему булочку. Ночью Славик проснулся от непонятного шороха - пришли они и стали носить какие-то ящики. Он взялся помогать… Ящик был очень тяжёлым, а руки не послушались, и он выскользнул на пол, краем упав на Славкину ногу! Славка вскрикнул, отскочил в свою комнату, сжал зубы, чтобы кричать больше… Потом к нему подошёл один человек и сказал, что они уходят надолго. Что их не надо ждать. Что-то сказал про адрес, где Славик найдет людей и еду. А он кивал и почти не слушал – то ли от боли, то ли от голода кружилась голова. Наверное, никто и не заметил, что придавили ему палец…

А через два дня Славка не знал, что делать. Он остался один. Адрес он, конечно, прослушал, нога болела, сил вставать уже не было… Очень хотелось пить… И спать…

А потом его нашёл Антон.

Антон слушал молча. Лишь изредка гладил малыша по светлым волосам. Или по спине. Худые лопатки замирали, когда до них дотрагивалась Тошкина рука. И Славка тихонько сопел, доверчивый и притихший. Как будто…

Как будто братишка…

Славка посмотрел на Антона:

- А ты кто такой? И что ты здесь делал?

Ох! Антон неловко заёрзал. Потом сказал:

- Я расскажу… Дать тебе ещё хлеба?

- Если можно… - шёпотом сказал малыш.

А когда поел ещё – повеселел. В глазах заблестели озорные искорки. Он повозился, зашевелил лопатками.

- У меня спина замёрзла. Можно я полежу?

- Ложись. После сытного обеда...

- Чего?

- По закону Архимеда, полагается поспать!

Славка хихикнул. Улегся, подпёр рукой щеку:

- Давай рассказывай.

- Чего рассказывать-то?

- Где твои родители?

- В Европе.

- Чего? – растерянно спросил малыш и заморгал. Не понял.

- Они в Европе, - повторил Тошка и уставился на свои кроссовки. Какие они пыльные! А Славка – босиком… Малыш молчал – ждал.

- Они там работают.

- А тебя почему не взяли?

- Ну… Говорят, что тут лучше. Они же там всё время в поездках… - вздохнул Антон и добавил. - Они археологи.

- Ого!

- Ну да, интересно… Папа столько историй рассказывает, когда приезжает!

- Антон, а с кем ты живешь?

- Ни с кем. Я в интернате живу… Жил.

Славка молчал и смотрел на него, не сводя взгляда, не понимая и не решаясь спрашивать дальше. Антон вздохнул:

- Ну, слушай… - И начал рассказывать.

В прошлом году папе предложили новую работу: нужно было ездить в экспедиции, да ещё и в разные страны! И папа попросил Тошку перетерпеть. И мама попросила. Потому что работа хорошая, интересная, а главное – там платят деньги. А здесь – копейки… Тошка особой разницы в этом не видел, а родителей это почему-то очень волновало. Особенно летом и осенью: когда хотелось в отпуск, и когда нужно было готовиться к школе. И приходилось выбирать что-то одно.

Ему, если честно – где отдыхать, было всё равно. Дома хорошо: куча книжек, на каникулах уроки делать не надо - можно сколько угодно спать, читать или гулять. Носиться на велике или гонять в футбол. И всё! И больше ничего не нужно…

Нет, нужно было… Чтобы родители не ссорились. Это было нечасто. Но всё же было, и тогда дома всё становилось натянутым, грустным и ноющим, словно больной зуб. А когда они наконец мирились, то Тошка вздыхал с облегчением… И хотел, чтобы подольше бы длился их мир. Он даже догадывался из-за чего они ругаются… А понимая – огорчался, потому что здесь он ничем помочь не мог. Почти не мог.

Когда мама получила то письмо, она так обрадовалась! Она ходила такая довольная и всё делала с такой лёгкостью, и не ругала Тошку за тройку по математике, не загоняла его в

постель по вечерам, и даже не рассердилась за книжку с фонариком… И папа не хмурился… И вообще они были такие, как двое старых друзей, и как-то подобрели сразу…

А потом… Потом, ну что говорить? Они попросили его потерпеть. И он согласился.

А интернат выбрали рядом со столицей, потому что сюда добраться проще. В Москве – аэропорт, оттуда пара часов на электричке – это ведь ближе, чем полсуток пилить на поезде. Понятно, что сюда они могут приезжать чаще.

Папа всё обещал взять его в поездку. Но не получалось – не разрешали брать детей, или, может, он просто боялся. А Тошка ждал. И терпел.

Хорошо, что был рядом Шурка. С ним было легче, с ним было спокойнее, когда он был рядом, то тоска отходила. Когда Тошка рассказывал ему о прошлой жизни, то друг слушал его так внимательно, говорил – с удовольствием, расспрашивал – не боялся, и видно было что ему интересно. А Тошка о доме мог говорить долго-долго… Потому что тогда он был как бы немного там. Иногда говорить не хотелось и здорово было просто вместе что-нибудь читать… Или рассматривать устройство самолётов на картинках – да, было у них и такое увлечение…

- А где он, Шурка? – спросил Славка.

- Он остался… - тихо сказал Антон и замолчал.

- Подожди, Антон. Значит, ты убежал оттуда?

- Ну… Славка, понимаешь… Я не могу. Это вот как такой сон-кошмар, только во сне ты можешь проснуться, а здесь – нет.

И Тошка рассказал про Кривецкого с дружками и про вчерашнее. Старался посдержаннее – не получилось.

- Я просто не понимаю, почему они мне жизни не дают…

Славка молчал. Потом сказал полушёпотом:

- Антон, а как же Шурка?

Зачем Славка это спросил?! Он и так знает, что поступил, как последняя свинья. Как предатель. Потому что Шурка заступался за него, а он его бросил! Нет, он тоже заступался за него, но сейчас-то друг остался один!

- Я ведь даже не думал о нём… - выдавил Тошка, - я не знаю, что делать теперь…

- А у него где родители?

- Тут сложная история. Он не помнит. Совсем…

Славка снова замолчал. Тошка чувствовал, как он тихонько сопит ему в плечо, и от его дыхания внутри у него что-то согревалось. И даже осторожно колыхалась радость, что он рядом… Такой малыш!

Здесь совсем было тихо. Не слышно города. И солнце горит в небе, на котором сегодня нет облаков! И кажется, что песок тёплый…

Славка сказал:

- Антон… Может он вспомнит и найдёт их…

- Может быть, - грустно сказал Тошка.

- А если нет, то нужно будет вытащить его оттуда! Антон, пусть твои родители помогут!

- Но ведь до них нужно ещё добраться…

Глава 5

Мечта.

- А что у тебя с пальцем? – вспомнил Антон.

-Ну… - Славка покосился но ногу, - болит…

- Покажи.

Да, придавили не слабо… Палец распух, и до него было больно дотрагиваться. Антону это не понравилось.

Сам он пальцев никогда не придавливал. А нет, было как-то в детстве: он нечаянно прищемил себе дверью, но сразу приложили холод и всё быстро прошло. А сейчас холод не приложишь – где его взять-то? Надо лекарство какое-нибудь… Но выбираться опять в город? А вдруг поймают? Неприятные мурашки липкого страха пробежали по спине. Впрочем, он тут же одёрнул себя: «Ты что! Ему же больно! И вообще, почему сразу поймают…». Вспомнить бы лекарство от ушибов…

- Славик, я пойду в аптеку. Надо.

Славка понял, кивнул молча.

- Может вход досками закрыть?

- Нет, не надо! Если что – я сам попробую…

- Только ты не уходи никуда! Я скоро.

Антон вышел на свет и заторопился, по дороге вспоминая все лекарства, которыми приходилось лечить разбитые коленки и синяки: «Перекись… Йод – нет, не нужен, зелёнка тоже… Что же ещё? А, кажется, мама мазала ему синяки «Спасателем». И от фингалов Шурка советовал прикладывать холод. Значит, холод все-таки нужен… И бинт нужно купить…» Район незнакомый, где тут аптека он не знал. Решился подойти к молодой девушке на пешеходном переходе.

- Скажите пожалуйста, где здесь аптека?

- А вон там, видишь – она показала рукой на девятиэтажный дом через дорогу, внимательно посмотрела на Антона. И он вспомнил, какой у него помятый вид.

- Спасибо! – и бегом направился в сторону аптеки. Вышел оттуда нахмуренный и с маленьким пакетиком. Двести рублей…. Это несколько дней еды…. В аптеке на него внимания не обратили, видимо, в интернате ещё не начали искать.

***

Рано утром майора милиции Валерия Карандашина разбудил телефонный звонок.

- Валера? Слышишь, тут срочное дело. Все разъехались, просить некого. Выходи сегодня на службу.

«Что там такое случилось?» - подумал Валерий. Супруга ещё спала. Он не стал будить её. Сделал себе чаю, написал записку, оставил на столе: «Доброе утро, Лисёнок! Меня вызвали сегодня. Неохота, но надо. Днём позвоню»

А в кабинете ему коротко изложили ситуацию:

- Пропал мальчик. Интернатский. Куда – неизвестно. После драки с товарищем и разговора в кабинете директора. О чём там говорили, пока не выяснено, но из кабинета

мальчишка убежал и больше его не видели. Сообщили сегодня ночью, - старшина вздохнул, но тут же собрался. - Спохватились! На вопрос, почему раньше не объявили, говорят, что думали – психанул, побегает и вернётся. А он – вон как... Значит так – приметы: светлые волосы, голубые глаза, невысокого роста. Возраст: одиннадцать лет. Был в чёрных штанах, оранжевой футболке, взял с собой голубую куртку и чёрную кепку. Смотрите по фотографии. – Он протянул Карандашину фотографию Антона.

С фотографии смотрел на Валерия обычный мальчишка. Курносый, с мелкими, едва заметными веснушками на светленьком личике и пронзительно синими глазами. Рот приоткрыт в несмелой улыбке, в полуслове, будто мальчишка говорил фотографу что-то смешное. На взъерошенных светлых волосах была надета кепка. Тёмные, немного помятые брюки, наброшенная на плечи курточка. В руках мальчишка держал какой-то пакет с неразборчивой надписью.

- Нормальный парень, – пробормотал Валера. Страшно было сознавать, что, возможно его уже нет на свете… Или есть? Пока прошло немного времени - есть возможность найти… Вот не любил Валера разыскивать людей: необъятный простор, который нужно объять: ведь отыскать такого мальчишку даже в городе, всё равно, что иголку в стоге сена. И пугающий туман неизвестности… Ничего, кроме тоскливого ожидания не сулило это дело. Но вдруг?

- Вот его личное дело из интерната. Посмотри. Телефоны родителей должны быть там же, но они, кажется, за границей. Нужно звонить, узнавать… В общем, давай, берись. Я сейчас ещё ребятам позвоню. - И он поднял трубку. Валерий прислонился к стене и стал смотреть тоненькую папку с надписью: «Ветерков Антон Борисович».

***

Всего этого Антон, конечно же, не знал. И, возвращаясь к Славке, то бегом, то отдыхая, он подсчитывал, когда его будут искать. Вчера, когда он сбежал из интерната, наверное, думали, что вечером вернётся. Скорее всего, рассчитывали, что справятся сами. Но раз его не нашли, то уже должны были сообщить в милицию. Там пока разберутся, пока найдут людей... Получается, завтра уже будут искать вовсю. Надо быть осторожнее….

Ох, он ведь совсем не подумал, сколько людей из-за него поднимут на ноги…. И родителей… Нет, родителям не смогут сейчас сообщить – когда они в экспедиции у них не всегда есть связь. А когда они вернуться, то он будет дома…

А что, ему оставаться? Пожалуйста, только не это…

Он не знал, что не сможет без родителей… Он думал, что так будет лучше. Он верил им, что так будет лучше, и он точно знал, что они так будут меньше ссориться. А может, и вовсе не будут…

Но он не знал, что будет так плохо… И при одной мысли, что нужно ждать ещё тысячу часов, а потом ещё, а потом – ещё… при одной этой мысли сердце начинало трепыхаться так, словно пойманная в клетку птица. Или молчать – так же. Безысходно.

«Мама… Мама, пожалуйста, прости… Я не могу…»

«Господи, как же я хочу домой… Это возможно?»

И Славка рядом… Так неожиданно. Но почему-то когда он о нём начинает думать, становится так хорошо, словно он нашёл младшего брата. Правда не совсем понятно, как быть дальше…

Ну вот, он уже пришёл. Вот и Славка.

- Вот видишь, как я быстро! Давай свою ногу.

- А это не больно?

- Я не знаю. Я постараюсь не больно…

Антон достал из пакетика влажные салфетки, вытер ими руки. Достал перекись, щедро полил Славкин палец. Славка молчал, только острые скулы затвердели. Антон раскрыл бинт, открыл тюбики с мазями, которые посоветовала аптекарша. Выдавил обе мази на бинт, положил его на палец. Забинтовал. Славка тихо вздохнул.

- Жить будешь – улыбнулся Антон.

Убрал всё в пакет и достал их ужин. Большой кусок хлеба Славке, себе хватит и поменьше. Отломил кусочек шоколадки…

Так они сидели возле своего «жилища», смотрели на заходящее солнце и жевали. Молчали. Антон положил руку на Славкино плечо. Малыш придвинулся к Антону. Дышал тихонько и ронял маленькие крошки хлеба, и аккуратно клал их в рот.

Когда последний луч солнца скрылся за розовой дымкой весенних облаков, Антон встал, нашёл ещё две доски и закрыл ими вход в закуток снизу. Так не будет задувать и не будет видно, как они спят.

С сумерками опустилась прохлада. Славка зевал.

- Давай-ка спать, - предложил Антон, - у меня нет фонарика.

- Сейчас… Антон, а ты как думаешь… Мама не забыла меня?

- Славка, да ты что! Это же мама! Да она, наверное, до сих пор ищет тебя!

А самому было грустно. Где она, Славкина мама и каково ей без сына?

Славка с минуту молчал, глядя на свои ободранные штанишки. Потом поднял на Антона мокрые глаза. Достал из нагрудного кармана карточку. Протянул ему.

С потёртой фотобумаги ласково глядела незнакомая женщина. Тёмные волосы, аккуратно уложенные в прическу, добрые, немножко печальные и совсем Славкины глаза, мягкие брови, губы, дрогнувшие в слабой улыбке. Что-то неуловимо знакомое и, в тоже время, давно забытое, было в этом портрете. Женщина излучала то спокойствие, которая излучает каждая мама для своего ребенка. Казалось, будто она говорила Антону: «Не переживай, малыш… Все будет хорошо…»

- Вот она, мама, – тихо выдохнул рядом Славка.

- Какая она у тебя! – шёпотом сказал Антон.

- Она добрая…

- Ага, я вижу… Слав, откуда это у тебя? – он протянул Славке фотографию.

- Ну… - Славка замялся, - в поезде мы смотрели фотографии, и я взял. Не захотел отдавать почему-то…

«Будто знал» - подумалось Антону. Да, это была Мама… Сразу стало так, будто дом, будто его мама – рядом…

Славка прошептал что-то, убрал фотографию в кармашек на груди. Повозился на Тошкиной куртке, устраиваясь поудобнее. Антон улегся рядом.

- Славка, а сколько тебе лет?

- Пять…

- А читать ты умеешь?

- Не умею. Я буквы знаю, слоги. А читать – нет. И считать немножко...

- Я тебя научу, – прошептал Антон.

- Правда?

- Правда.

- Антон, уже совсем темно стало… Ты не уйдешь никуда?

- Нет. Я с тобой.

Славка ещё немного повозился, а потом тихонько засопел. Уснул. А Тошка ещё долго не спал - всё думал, глядя сквозь щели в досках на тёмное майское небо. Думал о предстоящем путешествии. Выдержит ли Славка? Хватит ли денег? Ясно, что не хватит, но тогда где их взять?

Вокруг стояла тишина. Прохладный весенний воздух втягивался в щель и словно торопил Антона. «Нужно ехать, - думал он, - время идет… Нужно…»

Холодно, а укрыться нечем. «Вытащить бы куртку, да Славка так сладко спит…» - малыш свернулся клубочком, положил кулаки под голову. Старая футболка съехала, скособочилась, живот остался голым. Славка спал, приоткрыв рот, лишь изредка вздыхал. Такой малыш! Ну никак ему не дашь пять, на вид, года четыре. Только серьёзные и грустные глаза говорили правду… «Ох и натерпелся же ты… А что нас ждет? Один лишь Бог знает… Господи, сохрани малыша Славку!»

Антон не умел молиться, но в Бога он верил. Мама ему много рассказывала о Нём, и вместе ходили в храм. Маленькому Тошке там очень нравилось: сказочные огоньки свечек, пение, ласковые лики икон Спасителя и Богородицы… Даже в интернате он иногда бегал туда. Снимал свою фуражку, тихонько, боясь потревожить царящий покой, становился в уголок: там была икона Богородицы с Младенцем на руках – как дома. Он просто смотрел на неё, и становилось спокойно, таяла грусть... Иногда он просил совета. Иногда просто шептал: «Спасибо!». Он никому не говорил о своей вере. Всё хотел рассказать Шурке, да не успел…

Антон вздохнул, прижался к Славке и закрыл глаза. «Послезавтра… Пусть Славик хоть чуть-чуть окрепнет…» - подумал он и уснул.

Глава 6.

Ночные поиски.

... – Тошка, смотри, он полетел!

- Ага, я вижу… - прошептал Антон. Не верилось.

Змей неподвижно висел в густой синеве. Горячий воздух держал его.

Над зелёной травой кружились бабочки: какое-то огромное множество белых лепестков в хаотичном танце возле ручейка. А белый змей в синей высоте покачивал длинным хвостом и опускаться не собирался.

- Здорово, да?

- Ты молодец, Шурка!

- А чего я-то? Это ведь ты придумал.

- Придумал… А кто строил?

- Тошка, я поверить не могу, что мы его сами собрали…

« Я поверить не могу, что у меня появился друг… Шурка, ты не уходи никуда, ладно?»

Тошка закусил губу и крепко сжал катушку с нитками. Не хочется, чтобы упал змей. На самом деле не хочется, чтобы Шурка убирал ладони с его плеч: вот бы стоять так и стоять на тёплой траве, поглядывать на серебристую от солнца речку и каждой клеточкой чувствовать рядом друга. Лето!

- Антон, - шепчет рядом Шурка, - Антон…

- Антон!

В момент всё завертелось и исчезло. Тошка растерянно поморгал в темноте. Проснулся.

И увидел перепуганного Славку.

- Слав, ты что?

- Антон, там огни! Посмотри! - И малыш указал на щель.

Антон осторожно посмотрел в неё и прислушался. Совсем близко слышались незнакомые мужские голоса. По бетонным сваям, тёмному песку бродили белые лучи фонарей. Один из лучей высветил в темноте невысокого мужчины в погонах. Милиция… Антон посмотрел на Славку:

- Слав, это милиция… Это меня ищут! – прошептал он.

- Что мы будем делать?

- Сиди тихо-тихо, прислонись к боковой стене. Или ляг. Я сейчас закрою эту щель.

Он достал из-под себя большую доску. Тихо-тихо поднес к зияющей в темноте дыре. Вставил её между «крышей» и нижней доской – перегородкой. Сильно надавил, раздался негромкий щелчок: наверное, в бетоне была небольшая впадина, в которую и вошла доска. Покачал доску: она не двигалась, встала крепко. Теперь осталась лишь небольшая щель сверху, размером с кулак, но даже если туда кто-нибудь заглянет, то не увидит их, если они лягут поближе к доскам… Правда придется полежать на холодном песке. Антон постелил туда куртку, лег, приказал лечь рядом Славке. Малыш, «вот молодец!», всё делал тихонько и молчал.

Рядом послышались шаги. Затем в щель наверху ударил яркий свет фонаря, на несколько секунд осветив закуток, доски, бледное испуганное лицо Славки. Тошка замер. Славка вцепился в его руку.

- Эй, слушайте, тут закрыто!

- Выломай!

Человек постучал ногой по доске. Доска держалась. «Господи… Хоть бы выдержала…» Вдруг рядом послышались шаги, и раздался голос:

- Что делаешь?

- Ломаю.

- Зачем?

- Валера сказал, значит надо!

- Да забей. Смотри как тут крепко! - По доске раздались два мощных удара. – Вряд ли один пацан мог так закрыть…

- Пацан не мог, а его могли. Ну-ка, помоги!

Доска затрещала, Тошка быстро сел, упёрся спиной. Напряг все силы, а мысли сжались в комок. Всё… «Не надо! А как же Славка?!»

- Эй, скорее сюда, смотрите, что я тут нашел! – послышалось издалека.

Треск прекратился. Свет в щелях пометался и погас.

- Пойдем. Скажем Валере, а утром ещё вернёмся сюда и посмотрим.

Шаги стихли… Антон посидел немного, вытер со лба холодные капельки пота. Встал, выглянул в щель – темно. Вероятно люди ушли на зов, но что будет утром?

- Слава…

Малыш повернул к Антону мокрое лицо. Вытер кулаком глаза.

- Слав, ты чего?

- Ага, чего! А если бы тебя поймали?! Я без тебя как?!

- Они ушли. Хорошо, что ты меня разбудил…

- Я как вспомнил, что ты рассказывал про Кривецкого, у меня аж мурашки пробежали… Тебя бы обратно отправили, да?

- Не знаю… Славка, давай спать. Завтра будет тяжёлый день. Надо уходить. Ложись!

- Антон, а ты почему не ложишься?

- Я посижу немного, послушаю… Спи! – строго сказал Тошка и укрыл малыша курткой.

Славка закрыл глаза. Вскоре он уснул, а Антон всё сидел прислонившись в доскам. Сидел, до тех пор, пока щели не стали серыми…

***

Старшина Карандашин вернулся домой лишь под утро. Тихонько открыл дверь своей квартиры, скинул ботинки. Усталость плавно, как одеяло, накрывала с головой, звала в

постель. Трудный день, безуспешный день… Никаких следов. Они обыскали гаражи, стройку, весь восточный микрорайон, нашли двух бродяг. А о пропавшем мальчишке никто ничего не слышал…

Заброшенная стройка не давала ему покоя. Казалось, что что-то он упустил… Валера отрешённо смотрел на лампочку в коридоре, пытаясь вспомнить, что… А, те, двое новичков, которые зачем-то просили вернуться утром – что-то у них там не открывалось… Надо будет съездить посмотреть самому. Только сначала немного поспать…

Валерий умылся и вошёл с комнату. Супруга ещё спала, уткнувшись носом в подушку. «Обиделась, наверное…» - он обещал позвонить ей днем, но так замотался, что совсем забыл о своем телефоне! Хотя ведь нет, мобильник вибрировал у него в кармане… Как вот теперь ей объяснить? Ладно, она поймет, она ведь сама… Вот это да, в суете сегодняшнего дня, Валерий ведь и думать забыл о своем сыне! Это ж надо так! Наверное, к лучшему, хоть ненадолго отвлекло его от безрадостных воспоминаний…

Чтобы не будить спящую жену, Валерий устроился на диване. Взял со стола фотографию сына. Минут пять вглядывался в родные зелёные глаза... «Сашенька, сынок… Ты простишь меня? У того мальчишки ведь тоже есть родители. Я должен его найти, хотя бы потому, что не смог разыскать тебя…»

Очень хотелось спать. Сил не было даже подняться и поставить на место портрет - Валерий так и уснул с ней в руках. Через час проснулась супруга, улыбнулась, увидев мужа дома, накрыла его пледом. Подняла упавшую фотографию, вздохнув, поставила её на стол. И ушла на кухню варить горячий шоколад.

***

Вскоре в закутке стало видно спящего Славку. Утренний свет пробивался сквозь потрескавшиеся серые доски. Антон вздохнул: «Надо идти… Пока отряд не вернулся…»

Он наклонился к малышу. Тихонько подул на него. Прошептал:

- Слава! Слава, просыпайся! Славка…

Малыш открыл глаза. Удивленно.

- Это ты? А мне снилось, будто мама меня будила! Ты как мама говорил!

Антон улыбнулся, взъерошил Славке волосы. Достал из пакета остатки хлеба с шоколадкой.

- Давай завтракать. Нужно уходить.

- Уже?

- Славик, они сказали, что утром вернуться. Здесь нельзя оставаться. Несколько здоровых мужиков легко сломают доски…

Славка побледнел, кивнул. Не говоря ни слова взял хлеб, стал жевать. Трапеза длилась недолго. Антон допил остатки воды, сложил бутылку в пакет. Взял пакетик с бинтами.

- Давай свой палец.

Славка сморщился, но молча стал снимать повязку. Антон посмотрел и немного успокоился: краснота ушла, отек спал. Как и вчера он обработал палец, завязал чистый бинт. Тюбики с мазями, салфетку и нераспечатанную пачку с бинтом он сложил в карман куртки. Остатки бинтов стал наматывать Славке на ноги.

- Антон, что ты делаешь? У меня не болят ноги!

- Возьмёшь мои кроссовки. Это, чтобы они тебе не натирали.

Он снял кроссовки, надел их на Славку, затянул потуже шнурки. Свои носки спрятал в другой карман куртки. Куртку одел на Славку.

- А ты?

- Надевай. Меня все равно по ней могут найти.

- А ноги?

Антон посмотрел на Славку и промолчал.

- Давай вылазить.

- Антон, давай! Только как?

Антон покачал верхнюю доску. Потом среднюю, потом нижнюю. Все доски сидели крепко, в верхней была трещина. «Если уж ночью её не смогли выломать…» Славка видимо понял:

- Антон, ты ногами попробуй!

Нет, не получается.

- Славка, помоги!

Славка дёрнулся, ударил ногами о доску, ойкнул, покачал больной ногой.

- Слав, ты не бей по ней, а дави. Давай ещё раз попробуем! Только не ногами, а навались на неё, и я навалюсь…

На секунду Антону стало страшно: а вдруг не откроется? Как в западне. Он тряхнул головой, прогоняя глупые мысли: «Ничего, нас двое. А вдвоем всегда можно справиться!». Что-то хрустнуло, Антон сильнее навалился на доску - отвалилась только часть верхней доски, там, где была трещина. Другая часть осталась внизу. Он сел, отдышался.

- Так, и как же теперь отсюда выбраться?

- Ничего, я пролезу, - сказал Славка.

- Ты-то пролезешь, а я как? – Антон почесал в затылке, покосился на дырку.

- А давай ты будешь давить с этой стороны, а я – тянуть?

- Ну давай…

Славка стал карабкаться, Антон – помогать. Шлёп – это малыш оказался на земле.

- Антон, давай!

Антон стал давить на доску изнутри, Славка – тянуть снаружи. Несколько минут стояла тишина и настойчивое кряхтение. Под конец оба очень устали.

- Ладно, Слав, давай отдохнём немножко… Сейчас…

- Антон, а воду всю выпили?

- Всю…

Малыш вздохнул, потом спросил тревожно:

- Как ты вылезешь?

- Ничего, что–нибудь придумаем… Может я и так…

И Антон стал протискиваться в щель. И… Немного застрял. Голова и грудь пролезли, а вот ниже… И ногами ни во что не упрешься! У Славки округлились глаза.

- Что теперь делать?

Антону было очень неудобно и в то же время - смешно. Как Винни-Пух в мультике. Надо ж так…

- Слава, потяни, пожалуйста, меня за руки!

Славка крепко схватил его за запястья и откинулся назад. Антон выдохнул, болтнул ногами в воздухе, охнул и… вывалился на песок. Схватился за плечо.

- Больно? – испугался Славка

- Не очень…. Уф, вылезли! - он оглянулся на закуток. – Ой, пакет мы оставили… Плохо.

- Давай я залезу, возьму!

- Не надо, вдруг ты тоже застрянешь!

- Но ведь его же найдут…

- Ну найдут… Ладно, там же не написано, где мы будем…. Так, сейчас, давай посидим на дорожку…

Славка молча сел рядом с Антоном. Помолчали. Малыш не моргая смотрел на солнце: оно оранжевым пятном разливалось на сизых облаках. Скоро оно поднимется над ними и своим светом зальёт равнину… Город… Славка спросил Антона:

- А сейчас какой месяц?

- Май. А что?

- Я помню, в прошлом году у меня был день рождения, и солнце так же вставало. Рано – рано… Снег растаял. Я проснулся и вышел на балкон. Мне сестра сказала тайну, что когда встаёшь раньше всех, то можно увидеть, как просыпается солнце. И я всё хотел увидеть, как же оно просыпается, а всё не получалось… То день дождливый, то я просплю. А тогда вот проснулся, вышел на балкон – и увидел… Так же красиво…

- Так ты в мае родился? А какого числа?

- Сейчас, - Славка зашептал, загибая пальцы, - Антон, сколько будет столько, столько и ещё вот столько, - он два раза растопырил ладошки полностью, а в третий раз загнул два пальца.

- Двадцать восемь.

- Ну вот, значит двадцать восьмого… Да, так.

- А ты ничего не путаешь?

Славка замотал головой:

- Нет… Мне Надя объясняла. Два раза по десять и ещё восемь. У нас же номер дома тоже восемь…

- А Надя - это кто?

- Сестра… - вздохнул Славка и замолчал.

И Тошка замолчал. Грустно. Потому что какой праздник без подарков? Да и вообще…

Что вообще, он объяснить не мог, он просто чувствовал, что не таким должно быть день Рождения у пяти… нет уже шестилетнего малыша. А раз так… Он порылся у себя в карманах, нащупал пистолет, подаренный Шуркой. Взял Славкину руку, вложил его в худенькую ладошку.

- Это зачем? – не понял малыш.

- Славка… Сегодня двадцать восьмое мая... С днём варенья тебя! – улыбнулся Антон.

- Ой, правда?

- Ну да…Это тебе. Знаешь, он хоть и старый, но гремит, как настоящий. И он меня однажды очень выручил, помнишь, я тебе рассказывал?

Славка кивнул.

- Мне его Шурка подарил.

Малыш вскинул глаза:

- Антон, ну он же твой!

- Нет, бери! Он меня выручил, тебя тоже выручит.

Славка сунул пистолет за пояс потрепанных штанишек.

- Спасибо, Антон. – И улыбнулся, глянув из-под отросшей чёлки своими серыми, обычно невеселыми глазами, в которых сейчас отражались две искорки утреннего солнца.

Глава 7.

Трудная дорога.

- Антон, куда мы? Оставаться же нельзя! – Славка тревожно смотрел на Антона, когда они покинули стройку и остановились у забора. Антон задумчиво смотрел на микрорайон, засунув руки в карманы штанов и насвистывая «Кукареллу». Славка потянул его за рукав.

- Славик, подожди. У нас есть две минутки. Давай подумаем ещё раз. Значит, мы едем к моим родителям.

Славик нетерпеливо кивнул.

- Твою маму мы специально искать не будем. Славик, не обижайся!

Славка снова кивнул, опустив голову. Антон присел перед ним на корточки. Взял его за теплые ладошки.

- Слав… Я понимаю… Тебе трудно, намного труднее, чем мне! Ты хочешь к маме, я знаю. Но я думаю, будет легче нам добраться до моего дома, а потом искать твою маму. Ты же даже не помнишь, как называется твой город... Если ты вспомнишь, Славка, мы обязательно поедем туда. Но так – как искать?

- Да, Антон… Только ты не бросай меня, ладно? – тихо попросил малыш.

- Славка, да ты что!

Славка шмыгнул носом. Посопел.

- Антон, куда мы сейчас?

- На вокзал. Будем ехать попутными поездами, денег у меня немного. А там посмотрим. Сейчас нужно как-то уехать из города.

- Ага.

- Ну, пойдем.

Не сговариваясь, ребята одновременно оглянулись на свое «убежище». Тени от бетонных балок отчетливо вырисовывались на песке. В солнечном свете стройка казалась не такой уж и мрачной. Только недостроенный дом зиял чёрными окнами, напоминая о прежних страхах. Славка взял Антона за руку. И Антон уже не первый раз подумал, что Славка – как младший брат.

Они прошли вдоль забора, вышли к окраине жилого микрорайона. Здесь Антон не очень хорошо ориентировался, но интуитивно чувствовал, куда нужно идти. Вокзал – южнее. Как его не знать?

Столько раз он бегал туда за родителями, провожая их! Да он как сейчас помнит ту дорожку, усыпанную осенними листьями, то, до боли знакомое чувство, когда так хотелось догнать, вцепиться в рукав мамы или папы, и никогда больше не расставаться!

Никогда… Но это – нельзя… Нужно «потерпеть», у них «контракт» - отвратительные слова! И он тихо, сдерживая дыхание, шёл за ними… И только на вокзале, в толпе, позволял себе шепнуть: «Мама! Папа! Приезжайте скорее! Пожалуйста…» И взглядом пытался остановить уходящий поезд… А потом – очень длинная дорога в интернат и тоска. Одна лишь радость – простой и добрый Шурка.

Шурка – друг. Он мечтатель и фантазёр, он любит книжки про будущее, а ещё он – художник. Рисует замечательные рисунки! Самолёты у него получаются, как настоящие…

Но самолёты он не только рисовал, он их строил. Небольшие планеры – собирал по схемам из старых учебников, и всё мечтал построить аэроплан, который полетит над обрывом без мотора, в потоках воздуха… Но это – не главное.

Он такой… Мудрее, что ли. Может Антону так казалось, потому что Шурка был на полгода старше его, может, потому что он давно жил в интернате… Но он другой. Не как все. Не смеялся без дела, он вообще редко смеялся… Спокойный – непробиваемый. И слушал всегда так внимательно, что хотелось рассказать ему всё-всё! А когда расскажешь, он посмотрит так пристально, скажет всего несколько слов – немного, но как же становилось легче после них! И ничего не страшно…

От Кривецкого отбивались вместе - Шурку тоже он доставал. Шурка драться не умел, но если обижали Антона, или кого-то из младших ребят - всегда заступался, и не боялся того, что ждало его потом в спальной… А Тошка терпел до последнего, а потом, когда

услышал, как Язик ржёт над Шуркой, как издевается над тем, что он не левша – не выдержал. Подошёл и врезал. Кривецкий не понял сначала – от неожиданности. А потом стал караулить его после школы…

Антон передёрнул плечами. Интересно, вот как?! Как с ними справится? Чтобы ходить спокойно, чтобы дышать спокойно, чтобы засыпать спокойно и не ждать, что проснёшься под очередную гадость?

«Да что тебе справляться, ты ведь сбежал… Как вот там теперь он один?»

Совсем стало грустно. Потому что теперь он – как предатель. Что теперь делать? Он, наверное, уже бы не выдержал и вернулся в интернат, но рядом был Славка. Куда его денешь? Как его оставишь теперь?

- Антон, ты почему грустишь?

- Да так…

- Антон, мы доедем!

- Конечно! – Антон взлохматил Славке волосы.

Вдали показались башни вокзала. Разъезды, несколько длинных зелёных цепей вагонов. Гудели поезда. Звякали молотками рабочие, звенели рельсы. Через громкоговоритель женский голос рассказывал пассажирам о правилах пожарной безопасности, об отправляющихся и прибывающих поездах.

- Так вот он, вокзал… - шёпотом сказал Славка.

Антон снова присел перед ним.

- Слава, сейчас мы зайдем внутрь, и ты купишь билеты. Попросишь какую-нибудь женщину. Если спросят, почему один, скажешь, что едешь со старшим братом, что подошла наша очередь, а брат отошёл ненадолго посмотреть расписание. Вот деньги. Тут должно хватить на сидячие места, на поезд. Запомнил?

- Да. Подойти к тёте и попросить купить билет.

- Да. До Краснореченска. Я буду за тобой смотреть.

Ребята вошли внутрь большого здания с надписью «кассы дальнего следования». Здесь народу было много, несмотря на утреннее время. В кассы стояла небольшая очередь.

- Ну, давай, – шепнул Антон, осторожно подтолкнул Славку, а сам отошёл к стене и спрятался за столбом. Малыш подошёл к доброй на вид женщине среднего возраста, с большими пакетами в руках. Поднял на нее серьёзные серые глаза:

- Тетенька. Купите пожалуйста два билета до Краснореченска. У нас поезд скоро приедет, а брат ушёл посмотреть расписание. Помогите пожалуйста купить билеты!

- Что ж ты маленький один совсем, - охнула та. - Куда вы едете? Как твой брат выглядит?

От неприятного разговора Славку выручила кассирша. В динамике зазвучал строгий голос:

- Женщина, ваша очередь. Вам что?

- Ох.. А мне… Будьте добры один билет до Самары, лучше плацкарт, нижнее. И два билета детских до Краснореченска.

- Сидячих, - подсказал Славка.

- Сидячих… Нет?.. Только в электричке?.. На электричку пойдет? – наклонилась она к Славке.

- Д-да… Конечно!

Пока считали сдачу, Славка смотрел по сторонам. Всё так непривычно! Увидел Антона, заулыбался. Антон на Славку не смотрел, он смотрел куда-то за колонну, внимательно и напряженно.

- На, малыш, билеты. И сдачу.

- Спасибо большое! – Славка живо повернулся к женщине, протягивающей ему монетки.

- Давай брата-то поищем.

- А вон он! Вон у стены стоит, меня ищет. Ну ладно, я побегу! Спасибо! – скороговоркой проговорил Славка и побежал к Антону.

Женщина с минуту постояла, задумчиво глядя, как этот светлоголовый парнишка торопится к своему братишке, ловко обходя прохожих. И такая привязанность, такая любовь почудились ей в движениях малыша, что неожиданно подступил к горлу комок. Она увидела, как старший брат в большой, надвинутой на глаза кепке берет сдачу у

малыша, пересчитывает, кладет её в карман, берет билеты, разглядывает их. Малыш смотрел на него так преданно, а лица старшего было не видно, и непонятно было доволен ли он, рад ли малышу. Ей стало почему-то очень грустно. Старший ей не понравился. Тут она, кажется, вспомнила, что где-то его уже видела, но где? В кармане забренчал телефон, пока она его доставала, ребят уже не оказалось.

- Значит, через десять минут отправляется, - Антон ещё раз посмотрел на расписание. – Электричка даже лучше, хотя и дольше ехать… Точно, у меня же нет документов, какой поезд! Балда… Ну что ж, поехали, - он взял за руку Славку. – Ты молодец!

Ребята направились вдоль платформ, отыскивая нужный путь, на котором должна стоять электричка. «В расписании был шестой путь, где же он? Платформа пятая почему-то…». Антон пересчитал пути. Не мог он ошибиться, путь шестой, а электрички на нем нет! Хотя отправление через десять минут! Что же это?

Зато на соседнем пути, справа стоял поезд. «Москва – Нижневартовск» - прочитал он. Пожал плечами, направление то, но ведь это же не электричка… Без документов как сесть? Или попробовать объяснить проводнику… Наверное, не стоит… Так, раздумывая, Антон подошёл и остановился возле вагона.

Между тем электричка на соседнем пути так и не появилась, а поезд дал гудок, это значило, что он скоро отправится. Проводница, невысокая пухлая женщина в синей куртке с маленьким значком «РЖД», покачивая кудрями белых волос, внимательно изучала билет какого-то мужчины впереди, и, казалось, не замечала двух мальчишек.

- Славик, ты лезь за мужчиной сразу. Я попробую ей объяснить.

Проводница отдала документы, мужчина стал забираться в вагон, Славка проскользнул за ним. Антон протянул билеты.

- Это что такое, молодой человек? – неласково обратилась она к Антону.

- Билеты. На электричку. Просто её нет, а нам нужно ехать, нас ждут!

- Кого «нас»?

- Нас с братом.

- С каким таким братом? Ничего не понимаю!

- Да ведь он только что вошёл!

- Не видела я никакого брата. А вы один путешествуете? Где ваши родители? Где документы? – она внимательно осмотрела Антона с макушки и до босых пяток. Зачем он подошёл к ней?! Лучше бы сейчас исчезнуть! Испариться… Нет, не получится…

Тогда Антон набрался наглости и ещё раз попросил:

- Пропустите пожалуйста! Вот мои билеты на электричку! Ехать же недолго совсем! Не пришла электричка, видите, нет её! На шестом пути!

Проводница посмотрела на соседний путь. Проследив за её пристальным взглядом, Антон похолодел. К ним подходил милиционер. «Всё, - подумал он, - приехали. Надо бежать… Так, а Славка?!». Он хотел заглянуть в вагон, позвать малыша, но проводница загородила проход. Милиционер остановился с другой стороны.

- О чём спор, граждане?

- Этот молодой человек предъявил мне два билета, едет один без взрослых. Такой странный вид…

- Где твои родители? – Милиционер внимательно посмотрел на Антона. Антон молчал. Ему очень захотелось умыться и обуться.

- Откуда ты?

Антон молчал.

- Как тебя звать? Почему ты едешь один?

- Вот мои билеты. Я еду недалеко, поэтому один. Что тут такого? – Антон указал на два своих билетика в руках проводницы.

- Пройдем-ка… - Милиционер крепко взял его за локоть.

- Куда? Постойте! Да вы что! У меня же брат в поезде остался!

Проводница покачала головой:

- Ещё и врёт! Ну что за молодежь сейчас пошла?

- Отпустите! Славка!

- Пойдём-пойдём… Отпустим, после того, как выясним кто ты и откуда. – Милиционер куда – то его потащил. Антон упёрся, пытаясь вырваться. Но пальцы держали железно.

- Вы ответите!

- Это кто ещё из нас ответит… Да иди же ты!

Милиционер потащил его к обшарпанной двери с маленькой синей табличкой «Милиция». Открыл дверь, втолкнул туда Антона: он с размаху ударился лбом об угол, да так, что искры из глаз посыпались! Человек открыл следующую дверь, впихнул его, а затем вошёл сам. Указал ему на потёртый стул:

- Садись.

- Не хочу!

На соседнем стуле сидел мрачный мужчина в наручниках, с интересом глянувший на Антона. Антон отвернулся и окинул взглядом помещение.

За стульями находились окна, на окнах – решётки. Справа была дверь с табличкой «Служебное помещение». Слева – дверь, через которую они вошли. Впереди стоял большой письменный стол, за которым сидел полный мужчина в синей рубашке с погонами. Он что-то писал. За мужчиной на стене висела большая карта области. Антон машинально стал её изучать. Мужчина несколько минут сидел над бумагами, затем поднял глаза, увидел молодого сотрудника и спросил:

- Что пришёл?

- Вот, - сотрудник указал на мальчика, - нашли у поезда.

Мужчина в погонах внимательно посмотрел на Антона.

- Интересная находка, - задумчиво протянул он. Поднял телефонную трубку, набрал номер, - Валера, ты ещё не ушел? Загляни–ка ко мне… Что?... Через пять минут?.. Хорошо, я подожду.

Положив трубку, он обратился к Антону:

- Давай рассказывай, кто ты такой. Да садись, не стесняйся, - он указал ручкой на стол.

- Ничего я не скажу! Отпустите меня!

- Странный какой-то ты. Быстрее расскажешь, быстрее отпустим. Хотя…. Подождёшь, ничего с тобой не будет. И он о чем-то стал спрашивать злого мужчину в наручниках.

Антон уже не слышал ответа. В уши врезался гудок поезда. Того, в котором остался Славик!

«Неужели поехал?.. Всё?!». Что-то взорвалось в нём. Он увидел, как отвернулся молодой милиционер, кинулся к двери, рванул её и скользнул в проход. Ещё одна дверь - и он выскочил на улицу. Ещё быстрее, расталкивая народ и ища глазам поезд, он бежал к платформе. Но поезда не было! Зато на соседнем пути стояла электричка. Антон кинулся к ней, пробежал один вагон, и, схватившись за поручень, запрыгнул на ступени. Электричка свистнула, двери с грохотом закрылись. Платформа за окошком медленно поплыла…

Антон прислонился к стене, отдышался. «Что делать? - лихорадочно скакали мысли, - стоять здесь долго нельзя – могут прийти контролеры, люди будут заходить… Куда едет электричка? Туда же, куда и поезд? Если она на соседнем пути, наверное, это та самая, из-за которой… которая не пришла… Неужели я не увижу больше Славку?!.. Ну вырвался – и уже хорошо, - он похолодел, заново переживая те минуты, встряхнулся, - но сейчас-то как быть? Ладно, всё потом…»

Он вошёл в вагон. Вагон был почти пустой: несколько бабушек и один парень с книжкой не обратили на него никакого внимания. Стараясь не смотреть на людей, которых было не так много, Антон прошёл через несколько вагонов и нашёл туалет. И закрылся в нём.

Стекла в раме почему-то не было, и в окно врывался прохладный ветер. Лохматил волосы. Освежал мысли. Антон стоял и смотрел, как мелькают зеленеющие деревья, полустанки со скучающими пассажирами, несколько товарных поездов, зелёным ковриком расстилается новая трава…

Так прошло довольно много времени. Антон не знал сколько, но он устал стоять. Электричка шла быстро, две станции она уже проехала, не останавливаясь. «Следующая станция: Нижнереченская» - раздалось вдруг в динамике. Антон вздрогнул: это был тот город, который лежал на его пути, мимо которого они со Славиком должны были проехать. И ведь поезд, в котором остался малыш, шёл туда же!. Другое дело, что поезд мог не остановиться там, но ведь это достаточно крупный город…

Антон хорошо знал географию, и не раз смотрел на карте железную дорогу до его дома. Закроешь глаза – и вот она, карта, чёрной змейкой – его путь. Узелки на ней - города… Нужно держать направление на восток, вдоль железной дороги…Есть придется понемногу - денег осталось совсем мало… И уже ехать без билетов…Ничего, он выдержит… Но как

быть со Славкой? Забыть?! Тошка вздрогнул от этой мысли, сердце сжалось в холодной тоске… Найти? Но как найти шестилетнего малыша среди сотен людей?!

… Кто-то осторожно дёрнул ручку двери. Затем постучал. Антон замер. Кто-то снова подергал за ручку. «Да кому ж там не терпится?» - с досадой подумал он. Человек снаружи стал сильно толкать дверь.

«Что делать?» - Антону не хотелось не с кем встречаться. Хватит на сегодня… Ручку снова задёргали. «Что делать?» - снова подумал он.

Поезд медленно сбавлял ход. «Город недалеко… А что, если?..» - он посмотрел в распахнутое окно. Встал на раму. Вспомнил из какой-то давно прочитанной книжки, что прыгать нужно по ходу движения поезда. Посмотрел вниз. Внутри что-то ухнуло… «А что ещё остается?!» - с отчаянием подумал он. Сжал зубы, медленно сосчитал до десяти, и сильно оттолкнулся ногами…

Очнулся он уже в траве. Слышался гул уходящей электрички. В бедре и локте отозвалась ноющая тупая боль. Беспорядочно билось сердце в груди. Тошка полежал, отдышавшись. Посмотрел на высокое синее небо, чистое-чистое, без намёка на облачко, и потому - бесконечное. «Жив!» - радостно подумал он. Медленно сел, ощупал голову руками. «Жив!» Он вскочил, пошатнулся, потер ушибленный локоть. Постоял, осматриваясь.

Заливисто перекликались птицы. Ярко светило солнце, по-сказочному освещая лес. «Красота какая!» - удивился Тошка. Медленно поднялся на насыпь, оглянулся назад. Серебристые нити рельсов тянулись из горизонта, который сливался с салатовой гладью деревьев. Впереди тоже был лес, но вдалеке Тошка разглядел белеющие башни и строения. «Станция Нижнереченская, - подумал он, - не она ли?» Позади – город, откуда он ушёл, интернат… Впереди – неизвестность. Какая она?

«Ну не возвращаться же!.. А как же Славка? Как его теперь найдёшь?» - Антон ещё раз глянул вперёд и пошёл туда, вдоль сверкающих рельсов.

Глава 8.

Славка.

Когда Славка зашёл в вагон поезда, он не стал уходить слишком далеко от входа, чтобы дождаться Антона. Но Антона не было, а из тамбура входили и выходили люди, и, чтобы

им не мешать, Славка решил пройти вперед. Остановился возле самовара с кипятком. Сразу вспомнилась прошлогодняя поездка, он, Славка, всё никак не мог запомнить, как же называется эта штуковина с горячей водой, и, в конце концов, стал называть её самоваром. Они с Надюхой пили из него такой вкусный чай… Может, они с Антоном тоже будут пить чай? Так, а где же он, Антон? Что-то долго его нет… Славка посмотрел в окно и удивился – платформа поехала! Что за диво? А когда малыш понял, что это едет поезд, то испугался: где Антон?! Славка метнулся к двери и столкнулся с проводницей.

- Малыш, тебе чего? – воскликнула она. - Тебе что, постель дать?

- А-а, н-нет… Я на следующей станции выхожу.

- Понятно. Станция будет через три часа. Чего ты тут вертишься? Здесь люди ходят.

- Да я расписание посмотреть! Сейчас я уйду…

- А в каком ты купе?

- А, вон в том, - Славка неопределенно махнул рукой, - которое в середине.

- Ну иди, иди.

Проводница не спеша устремилась вдоль вагона, а Славка подскочил к расписанию. Задумчиво постоял возле него. «Три часа, это, наверное, долго… Где же Антон?!» - в отчаянии думал он, теребя пояс штанишек. Неожиданно пальцы нащупали что-то твёрдое: пистолет, который подарил ему сегодня утром Антон. Антошка… Славка одёрнул себя, вытер мокрые глаза. Вздохнул и направился к выбранному купе. Интересно, кто вообще там?

Славка потянул рукоятку коричневой дверцы и вошёл. Неожиданно накрыл его ветер. Здесь было прохладно после духоты вагона.

- Эй, кто там? – Раздалось откуда-то сверху.

- Да пацан какой-то! - ответил такой же молодой весёлый голос. - Дружище, тебе чего?

Славка глянул на верхние полки, очень удивившись: с одной полки выглянул парень в рубашке с подвёрнутыми рукавами, с другой на него смотрел парень в белой футболке и кепке, - вот таких ребят он никак не ожидал здесь увидеть!

- А вы кто?

- А ты кто? - откликнулся парень в кепке.

- Я - Славка! Я тут еду до следующей станции, - бойко ответил Славка.

- Силён брат! А ты с кем? - это парень в рубашке.

- Да вот… - Славка опустил голову и замолчал.

- Ну-ка, постой, - парень спрыгнул с полки, присел перед ним, - давай поподробнее…

Второй парень сел на полке. Славка увидел, что на футболке у него нарисован большой ёжик и какая-то надпись… Ёжик подмигивал Славке, а Славка уставился в пол, вздохнул и начал говорить:

- Ну, мы с братом ехали, - слово «брат» выскочило как-то само собой, - я зашёл в поезд, а брат не знаю где… Остался наверное…

- И?

- Вот, еду теперь… - Славка честно посмотрел в округлившиеся глаза человека перед ним, потом в удивленные глаза молчавшего человека наверху. Тишину прервал парень на полке:

- Юр, и что делать?

- Да я, Динь и сам не понимаю пока… Давай поподробнее, - попросил парень Славку, - что за брат? К кому едете?

- Едем к родителям. Брат, конечно, старший…

- Одни, что ли? Брату сколько лет? Как его зовут?

- А что такого? – удивился Славка. - Брат помладше вас…

- А где ваши родители? В каком городе? Адрес-то ты знаешь?

Этого вопроса Славка боялся больше всего. Врать в глаза он не умел, тем более таким ребятам. Кажется, рядом люди хорошие… Не обидят его… Что же делать? Антона тоже не хочется подставлять, его же везде ищут… Как-то увернуться от ответов?

- Этот город проездом!

- А родители там? – продолжал допытываться Юра.

Славка промолчал.

- Они вас встретят?

- Н-нет наверное… Мы домой сами приедем.

- А адрес ты знаешь?

- Нет, - очень тихо сказал Славка и посмотрел на ёжика.

Наступило неловкое молчание. Славка не знал что делать, что ещё рассказать… Ладно, хуже не будет… Он итак потерял уже всё, что мог: родителей, Антона…

- Денис, что ты молчишь, - Юра обернулся и посмотрел наверх, - что делать-то будем?

- Я думаю, Юрка, придется нам на пару деньков отложить военкомат.

- Нас будут искать, - опустившимся голосом сказал Юра.

- Да не бойся, найдут! Пацан важнее. Сгинет где-нибудь…

- Я не сгину, я буду искать! – подал голосок Славка.

- Ну вот, и я о том же…

О чем «о том же» Славка не понял: о том же, что не сгинет или что будет искать? Ясно было только то, что куда-то они не пойдут, за что им может влететь, судя по их напряженным лицам. Однако, куда?

- Вы мне расскажите хоть, кто вы такие?

- Садись, расскажем. Забирайся к Денису, только боты сними.

Славка скинул кроссовки, Юра удивленно спросил:

- А почему у тебя ноги забинтованы?

- Да это чтобы кроссовки ноги не натирали! Они мне большеваты немножко…

- Понятно, - задумчиво сказал Юра, - дело ясное, что дело тёмное… Ладно, забирайся, - он ловко поднял Славку и посадил на полку. Сам Юра уселся на свою полку и заговорил:

- Ну, слушай, всё равно торопиться некуда. Ты уже понял, как нас зовут, - Славка кивнул, - биографию рассказывать не буду – не умею, - Юра улыбнулся, - скажу, что едем в армию, проходить комиссию... Выросли вместе. Старые друзья…

Надо же! Славка подумал было, что они братья: так похожи они были и интонациями и жестами, и даже улыбками. Правда, Юра был повыше, у него были тёмные волосы, на худом лице с задиристым носом сияли тёмные улыбчивые глаза. А Денис - светленький, круглолицый, с синими и почему-то грустными глазами.

- Вот, - продолжал Юра, - выросли и учились вместе, окончили школу, теперь вот едем. В ближайшие дни нужно всё оформить, итак тянули до последнего, у него, - Юра кивнул на Дениса, - мама болела… Этот дружище хочет в пехоту, а я, конечно же, на море. С детства мечтал…

- Да не хочу я в пехоту! Что ты рассказываешь, - сердито сказал Денис, - я хочу в летные… Только вот не знаю, возьмут или нет… - и глаза Дениса стали ещё синее, казалось, отражая синеву неба. – Слава, а твоему брату сколько лет?

Славка пожал плечами. Он ведь даже не спросил Антона об этом!

- Ну-у, он большой! Ну не такой как вы, конечно… Он ещё в школе учится…

- Ясно. Ладно, Юра, пойдем, принесем чаю что ли…

Ребята вышли. Славка несколько минут смотрел в окошко. Там быстро мелькали шпалы, качали ветками редкие мохнатые ёлки и стройные берёзки. Свежий ветер лохматил ему волосы. Ехать бы так и ехать, да только Славка грустил: Антона рядом нет, что впереди – неизвестно… Он обвел взглядом купе: чисто, постели аккуратно убраны, на крючках висят две куртки: синяя и чёрная. На столе стоит газировка и… приоткрытая пачка сигарет. У Славки в груди что-то ёкнуло. Он спрыгнул, оглянулся на дверь, обул кроссовки, взял пачку со стола и вышел…

Когда он вернулся в купе, Юры и Дениса всё ещё не было, Славка опять залез наверх, лег на живот, подставив голову под потоки свежего воздуха. Вскоре дверь открылась, и вошли ребята. Они несли чай в красивых стеклянных стаканах с железными подставками, шоколад и ещё что-то съестное и, должно быть, вкусное. Славка проглотил слюну.

- Слава, садись к нам, перекусим. Ехать ещё долго, - позвал Денис.

Славка не заставил себя ждать. Он молча слез, сел к столу, Юра поставил перед ним стакан, положил печенье, открыл пачку с пирожным. Достал пакет из-под стола, развернул бутерброды. О, это было пирожное, которое Славка когда-то очень любил есть! Мама почему-то называла его «школьное»… И бутерброды с мясом! Не говоря ни слова

Славка принялся сначала за бутерброд, потом за пирожное, потом хотел съесть ещё печенье…

Дверь отворилась и на пороге возникла рассерженная проводница.

- Молодые люди, я не понимаю ваших действий! Что это за безобразие – громко возмутилась она. Щеки её покраснели, а белые кудряшки так и вздрагивали от сердитых слов.

- ??? Что случилось? – спокойно спросил Юра.

- И вы меня еще спрашиваете? Накурили в туалете, и еще строят из себя безвинных овечек! Или из меня дурочку делаете? Свинство какое! Есть у вас совесть?

Юра встал, выпрямился.

- Вы, наверное, ошиблись. Мы не курим в поезде, - сказал он со сдержанной вежливостью, - мы курим на станциях.

- Не курите?! Да ты кому очки втираешь? Вон на столе пачка открытая лежит, будто я не вижу! Да я сейчас вообще милицию вызову, что это такое?!

Юра побледнел. Не отводя глаз, отчетливо произнес:

- Извините, но это чересчур. Я вам уже сказал, что мы не нарушаем правил. Если вы продолжаете нас обвинять, давайте я запишу ваши слова, что вы обвиняете нас в нарушении правил поезда, вы подпишитесь, а потом мы пойдем к милиции, и каждому из нас разъяснят наши обязанности и полномочия…

- Сказал? – перебила его проводница, но уже не так громко. - Ну покурите мне ещё! Что за молодежь пошла! – возмутилась она напоследок и вышла из купе, сердито стуча каблуками.

Славка взглянул на Юру. Он стоял бледный, но глаза гневно сверкали. Славка покраснел, тихо пробормотал:

- Да ладно, плюньте!

- Да конечно ерунда, - Денис улыбнулся, - Юр, не злись ты!

- Да я и не злюсь. Просто непонятно, - вздохнул Юра.

У Славки настроение испортилось совсем. Он дожевал печенье, допил сладкий чай и, нахмурившись, подпер подбородок кулаком, задумался о чем-то, позабыв о еде. Юра с Денисом переглянулись. Денис глазами указал на Славку.

- Слав… - негромко сказал Юра.

Славка поднял голову. Юра внимательно смотрел на него, ему в глаза. Слава опустил их. «Дело неладно» - подумал Юра. Славка был не похож на ребенка из благополучной семьи: эти большие кроссовки, потёртые штанишки. Усталые, грустные, серые глаза, такие же, как у Дениса в детстве. Синие круги – явный признак недосыпания и слёз. Светлые волосы давно нестрижены. Непонятный брат, которому малыш даже не знает сколько лет… И ещё в глазах было что-то такое, что трудно описать словами, но это заставило Юру насторожиться.

- Слава, пойдем выйдем, погуляем?

Слава кивнул, быстро встал. Он давно уже хотел рассказать Юре и Денису правду. Вот, кажется, выдалась такая возможность, тем более, что Юра был Славке почему-то ближе. Они вышли из купе, Денис задумчиво смотрел в окно. Слава потянул Юру за рукав:

- Юра, пойдем, где никого нет…

- Куда?

- Ну, в тамбур, или на площадку за дверь.

Они вышли на площадку. Славка прислонился к стене и, глядя в пол, тихо проговорил:

- Юра, прости меня, ладно?

- Ты что, малыш? – Юра осторожно положил ему руку на плечо.

- Юр, я тебя обманул…

Юра присел на корточки перед Славкой, как и в первый раз, взял Славку за ладошки. Славка набрал побольше воздуха и через силу произнес:

- Юра, это же я…

- Слав, да ты что! – Юра внимательно посмотрел в глаза малышу и все понял. Без слов. – Слава, ты ведь ещё совсем малёк! Послушай, брось это дело, а? Сигареты – это такая пакость… Слав, хочешь я тоже брошу курить, давай вместе бросим?

Слава удивленно поднял брови.

- Как ты узнал? – прошептал он.

… Рассказывая Антону о своей жизни в заброшенном здании, Славка не рассказал одного. Глядя на взрослых мужчин, на ребят, изредка бывающих там, он научился курить. Курили практически все, кто там жил, ну и Славке однажды стало интересно… Конечно, сигареты ему случалось видеть нечасто, он даже слышал где-то, что это плохо, но в отчаянные минуты не выдерживал. Правда, когда он познакомился с Антоном, он вообще о них забыл… А сейчас, когда Антона рядом не было, он остался один, и, хотя рядом были хорошие люди, горе так прижало Славку, что он не смог удержаться. Увидев на столе полную пачку, он подумал: «а что, ведь от одной двух сигарет её меньше не станет…» - и вышел в туалет. Правда он не знал, что там нельзя курить, и что так он подставит Юру и Дениса. А когда проводница накричала на них, Славке стало так стыдно и плохо, что он чуть не заплакал, он ведь не хотел!

Это сбивчиво он и рассказывал внимательно слушающему Юре, пока поезд ритмично стучал колесами. Когда речь зашла о заброшенном доме, пришлось рассказать, что его нашёл Антон. Откуда взялся Антон и как он сбежал из интерната, Славка говорить не стал - не смог. Рассказал лишь, что они купили билеты, а потом он вошёл в поезд и ждал Антона.

- Понятно… Ну, а как ты оказался в этом доме? Твои родители-то где? – пытался понять Юра.

Пришлось рассказать и про то, что прошлым летом он потерялся на вокзале. Коротко он поведал эту историю Юре, вздохнул, и, замолчав, стал смотреть в окно. В горле стоял колючий комок, который не дал ему рассказывать дальше.

Юра слушал молча и внимательно. И чем больше он слушал, тем больше глаза его темнели. И такая жалость вспыхивала в этих глазах, такое решительное желание помочь, что Славка полностью доверился ему. Когда он замолчал, Юра обнял его, прижал к себе. Славка уткнулся в Юрино плечо и беззвучно плакал, потом, осторожно высвободившись, вытер кулаком глаза и спросил:

- Юр, а что теперь делать будем?

- Не переживай. Постараемся найти Антона. И твоих родителей… Только вот как? – он почесал в затылке, - Денису то хоть можно рассказать, чтобы посоветоваться?

Славка кивнул.

- С Денисом можно. Вы же вместе!

- Денис говорил, что у него знакомые в милиции… Как сможем, поможем тебе… В детский дом не хотелось бы тебя отводить…

Славка напрягся. Вот куда уж не надо, так это в детский дом. Он уже наслушался про это заведение…

- Для начала можно было бы осторожно навести справки, ведь твои родители наверняка туда обращались, задумчиво сказал Юра. - Города-то рядом находятся и, скорее всего, искали тебя по всей области… Остались их контакты наверное, номера телефонов… Хотя для начала можно даже в интернете посмотреть, наверняка ведь есть поисковые отряды где-то в области, и объявления должны быть. Не так давно ведь это было…

Поезд замедлял ход. Юра взглянул на часы.

- Ну что, Славик, подъезжаем. Пойдем готовиться к выходу, а то Динька нас потеряет. Ну, выше нос!

Славка впервые улыбнулся. Сердечко его отчаянно колотилось, но он уже не грустил, а испытывал то чувство, которое взрослые люди называют надеждой. Только…

- Юра, а давай и правда договоримся не курить. Ты мне поверишь? - он честно посмотрел на Юру.

- А как же! – Юра удивленно поднял брови, будто Славка мог обманывать.

Они вышли в купе. Денис так же задумчиво смотрел в окно, сидя так же, как и до их ухода.

- Денис… - Юра сел рядом.

- А? – откликнулся Денис. - Вы пришли? Мы подъезжаем уже.

- Денис, ты о чём всё думаешь?

- О маме.

- Да ладно, увидетесь ещё! Ведь ещё и не на такое время расставались.

Денис посмотрел на Юру.

- Да я не о том! Расставаться - это ладно, когда с человеком всё в порядке…

- Динь… Она поправится. Мы не оставим её… Всё нормально будет!

- Спасибо, Юр...

Поезд подъезжал к городу. Машины, дома… Люди суетятся на перроне. Орут громкоговорители… Ребята свернули постели, собрали еду в пакет под столом, взяли куртки: Юра - синюю, Денис надел чёрную. Юра взял за руку малыша.

- Пойдем, Слава.

Когда они вышли из вагона, светило вечернее, но яркое солнце, дул тёплый ветерок. Прям лето, а не весна! Славка осматривался вокруг. « А вдруг Антон все-таки приехал…» - он пытался увидеть его в толпе и не находил его.

- Слава, пойдем на переходной мост. Нам нужно сторону, – Юра указал на возвышающейся над поездами и толпой, длинный мост.

- Оттуда же все видно? – спросил Славка.

- Ну конечно. Ты хочешь поискать Антона?

Славка молча кивнул.

Они поднялись на мост. Под конец высоких ступеней Славка совсем запыхался и устал. Он остановился, отдышался, и…

- Ух ты! – Вид его потряс: уходящие вдаль рельсовые пути, зелёные ленты поездов, мягкий солнечный свет, освещающий белые дома…Люди, которые с высоты казались совсем маленькими… И просто огромное, по сравнению со всем этим, небо…

Такой красоты Славка ещё не видел. Он обернулся, чтобы показать Юре, как вдруг какая-то женщина его толкнула, кто-то прижал его к перилам… Славка отошёл, огляделся и… Похолодел…

- Юра! Денис! Вы где? – позвал он, но его тоненький голосок исчез и затерялся в толпе.

Славка, расталкивая людей, побежал на другой конец моста: «Может, они уже спустились?» - мелькнуло в голове, и он стал быстро спускаться по ступенькам в город. Крутя головой во все стороны, он глазами искал ребят. И он не знал, что на другой стороне моста ищут и расспрашивают прохожих Юра и Денис.

- Юр, ты иди, посмотри внизу, а я тут поищу, – быстро сказал Денис. Юра спустился, попутно расспрашивая людей:

- Скажите, а вы не видели тут мальчика, лет пяти? Ну, светленького такого, невысокого. Почему не видели?!

На перроне Славки не было. Юра, стискивая в руках куртку, поднялся на мост. Денис стоял, опираясь на ограду бледный, на лбу выступили капельки пота.

- Денис, что с тобой?

- Подожди, - только и прошептал он. Сильно закусил губу, отдышался. Юра тревожно смотрел на друга.

- Это оно, - наконец выдавил Денис.

- Что, сердце?!

- Ну да… Сто лет не было, а тут… как представил этого мальчишечку… Куда же он делся, а?

- Денис, давай где-нибудь посидим, сейчас все равно ничего не решим… Еще на другой стороне не смотрели, давай ты передохнешь, и посмотрим ещё?

Денис молча кивнул. Они опять прошли по мосту, Юра внимательно смотрел вниз, ища Славку. Но тщетно. Спустились и сели на лавочку возле моста.

- Постой, у меня есть шоколад, – Юра достал из кармана пару кусочков, протянул Денису. - Ты куртку сними, жарко ведь…

- Да ничего, всё почти прошло.

- Денис, Денис… Отложим военкомат?

- Придется… Я пойду в милицию завтра или сегодня вечером. У того товарища, к которому мы сейчас пойдем, там есть знакомые. Можно поговорить с ним. Но… Два дня поищем, а что дальше-то?

- Если попросить на пару недель отсрочку, может, дадут?

- Может и дадут, кто их знает… Можно попробовать объяснить… Нельзя, чтобы такой мальчишка пропал!

- Знаешь, я сперва думал поискать в интернете, но сейчас уже – зачем? А, ведь ты же ничего не знаешь про него… Славка прошлым летом отстал от родителей, когда ехал на поезде…

- Подожди! Опять поезд? Что ж такое?!

- Ну ладно, слушай… И Юра стал рассказывать Денису всё, что узнал от малыша.

***

Антошка подходил к городу. Вечерело: последние лучи солнца освещали дома мягко-оранжевым светом. В небе перекликались ласточки - милые жительницы больших городов средней полосы России. Раскаленные рельсы блестели, их становилось всё больше. Вскоре стали видны коричневые цепочки товарных составов, зелёные - пассажирских поездов и электричек: он подходил к вокзалу.

Ноги гудели от усталости, а огромное количество путей и вагонов усиливало её. Хотелось есть: в суете событий Тошка и думать забыл про это дело. Где бы подкрепиться?

Вскоре появились платформы, вот она – станция… «Славкин поезд уже ушёл, хорошо, если малыш догадается здесь сойти…». То, что он найдет Славку, он почему-то почти не сомневался. Может, это было предчувствие, может - отчаянное желание найти малыша, а может быть, он просто устал от переживаний… Хотя, маленький червячок сомнений всё же точил его, не давая успокоиться.

И вдруг червячок прогрыз дырку, и через неё просочилась страшная мысль: «Догадается – не догадается… А если он выскочил ещё в том городе?!» Тошка остановился, опустил руки.

«Ну… Ну почему, может быть, и нет. Неизвестно ведь… - он тряхнул головой, посмотрел на небо, - Господи! Помоги мне найти его! А если нет – то пусть у него будет все хорошо, пусть он найдет своих родителей…»

Нужно расспросить кого-нибудь о поезде и малыше, но кого? Размышляя, Тошка мельком замечал и то, что народу на вокзале не очень много, что хоть ноги и устали, однако им приятно греться о тёплый асфальт, но всё же не мешало бы раздобыть кроссовки…

Так он приблизился к невысокому белому двухэтажному зданию. За ним, виднелось ещё одно, побольше. Антон остановился, озираясь по сторонам, и тут заметил небольшую кучку ребят, толпившихся возле торца дома. Несколько секунд он их разглядывал, отмечая потрепанные пальтишки и обычные детдомовские куртки, потом нерешительно направился к ним.

Разгоряченный спор смолк, и ребята, увидев подходившего к ним Антона, вопросительно и хмуро уставились на него.

- Народ, не подскажите, останавливался ли здесь поезд «Москва-Нижневартовск»?

- А ты откуда такой явился? – не церемонясь, спросил его невысокий кареглазый парнишка в клетчатом пальто.

- Ванька, подожди, не сбивай ты человека, - остановила его девочка с короткой стрижкой, в потрепанных джинсах и кроссовках. - Ты, мальчик, откуда?

- Я оттуда, - махнув рукой в сторону леса, ответил Антон.

- Откуда – оттуда? И что ты тут делаешь? – опять вмешался кареглазый.

- Ваня, помолчи, - спокойно попросил его старший мальчишка. Он был одет получше остальных, хотя та же неуловимая печать детского дома отражалась на его лице. До сих пор он пристально рассматривал Антона и сейчас обратился к нему,- поезд был, да уже уехал. А тебе он зачем?

Антон несколько секунд молчал, раздумывал, что сказать. Все-таки люди незнакомые - неизвестно, что от них ожидать. Хотя, судя по речи, ребята, наверное, неплохие…

- У меня там остался младший братишка. Он уехал, а я - на электричке, надеялся, что он сообразит и сойдет здесь… Ребята, вы его не видели? Он светленький, в синей куртке, на вид ему лет пять.

Мальчишки покачали головами, а девочка спросила:

- А как звать его?

- Слава.

- Нет, не видели… А где твои родители? Они здесь?

- Нет. Мы едем к ним.

Наступило молчание. И в этой напряженной тишине раздался голос кареглазого Вани:

- А где ты будешь ночевать? На вокзале ночью опасно!

Наступила пауза, потом девочка робко предложила:

- Где-где, пусть у нас ночует!

- Да ты что, мы же его не знаем! – это рыжий мальчишка с поцарапанным носом, в оранжевой куртке и джинсах.

- Ты что не видишь, что нормальный парень…

- А с какого перепугу он тебе поверит?

- А ты возьми и расскажи.

- Я чё, крайний что ли? Пусть Лёня рассказывает.

- Да успокойтесь вы, что орёте? Сейчас я рассказу, - сказал старший мальчик. Чувствовалось, что здесь он главный. – В общем, так. Меня звать Лёня. Как тебя звать я не знаю, да мне и не важно. Значит, слушай. Мы из первого детдома. Он тут находится в трёх кварталах от нас. В общем, как бы его не хвалили, творится там полная фигня и разлад. Сначала вроде жили нормально, парни друг друга не шибко обижали, были конечно разные стычки, но никто от них особо не страдал. Пока не появился некий тип по прозвищу Герц. Вроде пацан, как пацан, мы сперва так и подумали, но потом он начал заводить себе тусовку. Да и хрен с ней, если бы при этом никого не трогали. Но вскоре начались наезды на нас, причем конкретные. Без причины. Пустые бутылки из-под пива под кроватью у Вани, потом – обшаривание карманов. Таскали они мелких ребят на свои дела, так потом выставляли их виноватыми. Докапывались до девчонок, но тут мы не выдержали, собрались вместе и поговорили с этой шайкой. Чуть не дошло до драки, вернее почти дошло, в общем, группа наша раскололась. Что-то Герц понял, стал потише, ведет себя терпимо, но иногда пованивает. За пределами детдома у них какие-то тёмные дела, не знаю, с кем он связан, но держаться на улице лучше кучей. Попадешь один – просто так не отпустят…

- А что воспитатели?

- Ну, что… Кто-то пытается разговаривать, ну вызывают их, строят периодически, а толку-то… Кто-то ходит закрыв глаза… А кому какое дело-то? Да и кто хочет лишний раз скрести на свою голову?... И не дай Бог повстречаться тебе с «бандой Герца» - как мы

зовём эту тусовку. А то, что сегодня ночью они будут в загуле – это факт. Мы тут и караулим одного нашего пацана, сейчас прихватим его и пойдем к себе.

- Идем ночевать к нам, – предложил Ваня. В смышленых его глазках было только сочувствие и ни капельки злобы.

- Да, пойдем, не бойся, никто и не узнает! – кивнула девочка.

- Ребята, спасибо. Но у меня ведь ещё брат…

- А, брат… - протянул Ваня, - ну да, его тоже тут не оставишь.

Старший мальчишка что-то обдумывал. Потом посмотрел на Антона.

- Слушай и запоминай, если тебе это нужно. Наш адрес улица Ростовская, дом десять, корпус два. Мы сейчас сходим к себе, с тобой останутся Санёк, - он кивнул на молчаливого сероглазого мальчишку, и Вася – он указал на рыжего мальчика в рыжей куртке с сердитым взглядом. – Наше окно на первом этаже, с правого краю. Постучишь пять раз, если что вдруг… Хотя ребята покажут тебе куда идти.

- Приходи, - Ванька почти дружески посмотрел на Антона.

- Давай, удачи тебе, - Ленька пожал ему руку.

Антон с Васей и Саньком пошли к платформам.

- Как тебя зовут хоть? – спросил Санёк.

- Антон. Ребята, я пойду через мост, поищу брата на той стороне. А вы тут посмотрите, ладно?

- Да без проблем. Если что – свисти, - сказал Вася.

- Встретимся возле этой лавочки, - сказал Санёк.

Антон поднялся на опустевший мост. Солнце уже село и на вокзале становилось мрачновато. Особенно на другой стороне, где виднелся лишь один товарный поезд, отгораживая платформу от вокзала. Антон прошёл по опустевшей платформе, внимательно заглядывая за каждый закрывшейся киоск. Никого.

Он решил дойти до другого края платформы. На секунду остановился, , задрав голову, посмотрел на мост. И не заметил, как сзади неслышно подошли. Обернулся от внезапного предчувствия.

Несколько человек стояли перед ним, сзади подошел ещё кто-то, перерезав ему путь. Взрослые парни, старше его. Все какие-то очень похожие унылым и надменным выражением лица, волчьим взглядом, сутулыми небрежными позами, незаметными движениями плеч. Один из них пониже, с сигаретой во рту и ёжиком белесых волос, оглянув сборище, обратился к Антону:

- Ты что здесь шатаешься? Нехорошо…

Антон молчал, лихорадочно соображая. «Неужели это та банда?.. Закричать?.. Как, как вырваться?!»

Между тем кольцо стало плотнее.

- Ты что не отвечаешь?

- Герц, давай его проучим. Чтоб не лазал по ночам.

- Подожди, может, он нам расскажет что-то интересное, - сквозь зубы протянул Герц. Вынул сигарету, смял её в пальцах и кинул остатки на асфальт. - Ты откуда взялся? Не встречал здесь толпу сопливой мелочи, вроде тебя?

Антон безнадежно оглянулся, продолжая молчать.

- Что, не хочешь с нами разговаривать? Парни, чё это он? – Герц подошёл почти вплотную к Антону.

В нос ударил резкий запах перегара. Антон взглянул в глаза Герца, с ужасом увидев там пустоту. Злость. Желание унизить. Смять под себя… Вспомнился Кривецкий, но сейчас он казался паинькой…

- Не молчи, хуже будет, - Герц взял Антона за ворот.

Антон не выдержал:

- Пусти, дурак, чё лапаешь?!

- Чего-о? Вот и заговорил!

Кто-то с силой толкнул его сзади, Антон врезался Герцу головой в живот. Герц, тяжело дыша, снова взял его за ворот футболки:

- Ответь малявка, что ты сказал?

- Сказал, отвали! - резко крикнул Антон, и сильно врезал коленом между ног. Герц скорчился, ослабил хватку. Антон рванул, но тут же его схватили и швырнули на асфальт.

- Анто-о-он, - донеслось издалека.

- Ребята, на помощь, – то ли крикнул, то ли простонал Антон. Его подняли. Покачнувшись, он стал выпрямляться, но не успел сообразить, как с треском в скуле что-то взорвалось. Как бомба.

- Только пикни, - раздался злой шёпот. В другой скуле снова взорвалась резкая боль, на это раз Тошка не устоял и грянулся на асфальт. В глазах потемнело. Тело превратилось в боль…

Вдруг, сквозь дикий звон в ушах он услышал тоненький голос из другого мира:

- Не трогайте, г-гады!!!

- Парни, атас, - послышалась ругань.

Шорох, топот, треск, кто-то взвыл.

- На тебе! Вот ещё, получай! Парни, на помощь! – услышал он снова тот же отчаянный голосок. И навалилась давящая темнота…

… Антона позвал тот же тоненький голос. Но уже нерешительный:

- Мальчик, ты живой?

«Да» - хотел ответить Антон. Видимо не ответил, потому как голосок снова повторил вопрос. Кто-то дотронулся до его спины. Что-то знакомое чудилось в этом голосе, но что? Антон повернул голову на зов, с трудом открыл глаза. В глазах рябило.

Чье-то худенькое личико расплывчато белело в темноте. Антон моргнул, и встретился взглядом со светлоголовым мальчуганом. Даже в сумерках он узнал его сразу.

- Славка! – тихо сказал он.

- Антон! – Славка склонился к нему.

- Славка… - Антон снова закрыл глаза. Потому что всё вокруг поплыло.

- Антон, ты живой? - Славка тронул его за плечо.

Антон поднялся, сел. Покачнулся. Обнял Славку. Почувствовал, как тоненькие ручки крепко обхватили его.

- Славка… Малыш… - он прижался мокрой щекой к светленькой лохматой головке малыша. Слёзы сами текли по щекам, почему-то обжигая их. Антон посмотрел на Славку. Глазёнки его темнели тревогой.

- Антон, не плачь… Не надо, - Славка осторожно вытер пальчиками его щеки.

- Славка, это правда ты? Ты?

- Да! – Славка высвободился из объятий, встал. Поднял лежавшую в полуметре большую тяжёлую палку. - Пусть ещё только сунутся, - с незнакомой жёсткостью сказал он.

-Так значит это ты спас меня? – тихо проговорил Тошка.

Славка пожал плечами.

- А они, гады, испугались. Думали, нас тут много!.. Антон, как же сильно они тебя побили! Тебе очень плохо?

Плохо ли ему? Тошка не знал. Скорее да, чем нет. На каждое движение тело отзывалось тупой болью. Голова была тяжёлой. Скулы горели… «Ладно, - подумал он, - это ничего, это пройдет… Главное, что рядом-то - Славка!»

- Антон, ты идти можешь? Нам, наверное, лучше уйти отсюда. Вдруг они вернутся…

«А ведь правда!» - обожгло Антона запоздалым ужасом. Он похолодел, заново переживая те минуты. А если бы не Славка…

- Слава, спасибо тебе! Если бы не ты, то неизвестно был бы я сейчас живой или нет…

Славка молча кивнул. Антон встал, оглядел себя. Да-а-а… Штаны разодраны, майка тоже. Всё в крови… Хорошо, что темно сейчас, не видно, прохожие не будут приставать с вопросами. Он взял за руку Славку.

- Слава, пойдём отсюда.

- Пойдём, Антон.

Хорошо, что он запомнил адрес детдома. Так, а Вася с Саньком интересно, где?

… Когда они миновали вокзал, он спросил малыша:

- Славка, как тебе удалось их разогнать?

- Антон, у меня была большая палка. Когда солнце село, мне стало страшно, и я её взял. Я залез на мост посмотреть. И услышал, что кто-то кричит, обернулся и увидел толпу. А с моста видно, что дерутся, что тебя бьют. Я тогда не знал, что это ты… И с размаху в самую толпу. И палкой по этим гадам! Ох им и досталось, особенно последнему. Я ведь со всей дури давал… - Славка пренебрежительно усмехнулся.

Антон отметил про себя, что первый раз видит таким малыша, а он продолжал:

- Трусы. Они подумали, что нас здесь много… А потом - смотрю, а это ты, - и Славка вдруг прерывисто вздохнул, будто всхлипнул. Антон положил ему руку на плечо.

- Как ты не испугался? Славка, ты герой…

- Антон, я ведь знаешь, как боялся! Только потом уже не думал, что боюсь, во мне внутри взорвалось что-то. Мне еще мама говорила, что лежачего не бьют. А они, гады, ботинками!

- Разве?

- А ты не помнишь что ли?

- Н-н- нет… Я когда упал, вокруг всё темно стало…

- Антон, давай не будем больше про это, - чужим голосом попросил Славка, - а то так противно становится. И грустно. Я ведь не знал, что такое бывает… - И Славка поднял свои честные добрые глаза, в которых тлел ужас пережитого. - Антон, о чём ты думаешь?

- Давай посидим?

Они шли мимо опустевшего сквера, и в неярком свете жёлтых фонарей, Антон заметил лавочку. Здесь уже не страшно. Можно посидеть, отдышаться. У него почему-то кружилась голова, и болели поцарапанные ноги. Сейчас они отдохнут, и пойдут дальше… Тошка сел и крепко обнял Славку. И совсем тихо сказал:

- Братишка, не теряйся больше!

Нечаянно получилось про братишку… А Славка уткнулся носом ему в плечо:

- Ты тоже…

… Впоследствии, снова и снова вспоминая этот случай, Антон не раз спрашивал себя, откуда взялась у шестилетнего малыша такая решимость, такая злость на обидчиков, такая сила, что он, забыв про испуг, бросился на помощь? Ведь есть те, кто и старше, но никогда не кинутся в схватку на помощь слабому. Пусть даже и мальчишке, хотя ведь у подростков драки по жестокости не уступают и взрослым дракам…. А Славка, даже не задумываясь, что его могут покалечить, рванул на крик.

Значит, есть у малыша в душе стерженёк.

Значит будет расти Славка хорошим человеком.

А сейчас пока Антон просто радовался, что его отыскал. Славка, пусть и младше, но всё равно - друг. До той поры, пока Антон не встретил малыша, у него был один-единственный друг – Шурка. А он бросил его… Бросил в беде – значит предал. И от этой мысли, ох как ему было тошно. Как теперь это искупить? Простит ли его Шурка?

«Простит – не простит… Ты уже свой выбор сделал. И сейчас рядом - Славка…»

Славка, Славка… Он хоть и отчаянный, а всё же - маленький… И случись с ним что, никогда не простит Антон себе такой вины… И как же хорошо, что они снова вместе…

… Тошка, задумавшись, задремал. Славка тихонько тронул его за плечо:

- Антон, мы ведь не здесь будем спать?